

далеко не полными. Так, например, лишь в 1913 г. Л. С. Багров опубликовал неизвестную и очень интересную карту Московской губернии, выгравированную В. Киприяновым в 1711 г., считающуюся первой русской печатной картой этой губернии.¹ И в настоящее время, несмотря на большие успехи в области истории русской картографии, достигнутые советскими учеными, едва ли возможно дать хотя сколько-нибудь полный список печатных карт, изданных в России при Петре I.² Печатались не только карты России, но и карты всего земного шара и отдельных частей света, а также других отдельных государств или частей их. Приведем несколько примеров.

Одной из наиболее ранних карт всего земного шара, объясненных, по словам П. Пекарского, «...своим бытием нашей письменности XVII века»,³ но выгравированной на меди и отпечатанной после 1703 г.,⁴ была «Книга, глаголемая Козмография, переведена бысть с римского языка. В ней

¹ Л. С. Багров. Первая карта Московской губ. (1711). СПб., 1913.

При своей работе В. Киприянов, по мнению Л. С. Багрова, пользовался двумя различными источниками: для географических данных, нанесенных на карту за пределами собственно Московской губ., — картою Массы 1633 г. и Сансона 1688 г., а в пределах ее — чертежом «Московского уезда земли», выполненным по заданию патриарха Иоакима в 1679 г. Так как карты Массы и Сансона были составлены также по русским материалам, то, в конечном итоге, карта Московской губ., выгравированная В. Киприяновым, основана всецело на русских источниках XVII в. (допетровского времени).

² Ярким примером неполноты наших сведений о печатных русских картах того времени может служить находка В. А. Бриллиантом, в числе неописанных картографических материалов Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, очень интересной карты, без указания ее составителей, имеющей заголовок: «Европа приписанная великому царю Московскому Петру Алексеевичу присному прирастителю и славнейшему победителю Азовские крепости» (сообщение о докладе В. А. Бриллианта на эту тему помещено в Изв. Всес. геогр. об-ва, 1941, т. 73, вып. 3, стр. 454). На карте Ладожское и Онежское озера изображены почти одинакового размера. Петербург и Нарва отсутствуют совершенно. В посвящении Петр назван лишь победителем Азова, русско-турецкая граница показана прежняя, до изменения ее по мирному договору с турками в 1700 г. Отмечая эти моменты, В. А. Бриллиант достаточно обоснованно считает, что карта составлена между 1696 г. (взятие Азова) и 1703 г. (основание Петербурга), скорее всего, не позже 1700 г., поскольку не учтено изменение русско-турецкой границы. Таким образом, лишь недавно была обнаружена одна из самых ранних русских печатных карт, изданная, возможно, одновременно или даже несколько раньше, чем указанная выше карта части Азовского моря 1701 г. Дальнейшее изучение карты, обнаруженной В. А. Бриллиантом, должно разрешить этот вопрос, очень интересный для установления начальной даты русского картографического печатного дела.

³ П. Пекарский. Там же, стр. 343—344.

⁴ В. В. Бабынин. Русская физико-математическая библиография, т. I, вып. I, М., 1885.

описаны государства и земли и знатные острова, и в которой части живут какие люди, их нравы и что в которой земле родится; и о том значит в сочиненном округе само малых же островов и бесчисленных описати невозможно, понеже многие острова и земли наполнены ядовитых зверей и гадов и человеком неприступны, но токмо единому преблагому Богу вся дела его ведома суть». Эта «книга» представляет собою карту, в центре которой помещается в большом круге изображение земного шара, обтекаемого четырьмя «окиянами — восточным, полуденным, западным и полунощным». В четырех углах в небольших кружках напечатаны названия четырех частей света: «Азия от Сима, Африка от Хама, Европа от Иафета»,¹ Америка — «в недавних летах изыскана».

В начертании земель и морей проявлено много фантазии. Например, помещены чудесные острова, вроде Макарийского, лежащего «под самым востоком солнца близ блаженного рая», или острова, населенные великанами, змеями с девичьими лицами и т. д. Самый характер изображения городов с башнями и церквами напоминает средневековые издания. Москва отмечена Кремлем, а Петербург — Петропавловской крепостью.

Карта эта долгое время была распространена в качестве лубочного издания, но потом стала большой редкостью на толкучих рынках.² Таким образом, мы можем констатировать в начале XVIII в., повидимому, первую попытку широкого распространения в России географических знаний, хотя и в весьма примитивной форме, путем печатного общедоступного издания.

Одним из первых картографических произведений Гражданской типографии надо считать «Описание святого града Иерусалима и предградий его», выполненное в 1706 г. «тщанием Василия Киприянова» и представляющее собою план города с надписями на славянском и латинском языках.³

После этого из Гражданской типографии вышли несколько карт различного содержания. Остановимся, прежде всего, на картах всего земного шара.⁴ К ним относится «изображение

¹ Сим, Хам, Иафет — библейские имена, приводимые в легенде о происхождении отдельных племен на земле.

² П. Пекарский (там же, стр. 343—344) отмечает, что в кабинетных бумагах Петра I есть подобная же рукописная карта, на которой Петербург еще не обозначен.

³ А. В. Бородин. Там же, стр. 76.

⁴ Основными источниками для приводимого в дальнейшем описании карт (мира, зарубежных стран и территорий), изданных в России в петровское время, послужили, кроме указанных выше работ П. Пекарского и А. В. Бородина, следующие работы: Г. Ф. Миллер. Известие о ландкартах, касающихся Российского государства. — Сочинения и переводы К

глобуса земного», изданное «лета господня 1707. Тщанием... Василия Киприянова». Эта карта полушарий, не просто скопированная, но составленная в стереографической проекции на основании нескольких иностранных источников. В правом верхнем углу надпись: «Глобус географический, сиречь землеописательный, иже изъясняет четыре части земли, африку, азию, америку и европу, на ней же обитаем и яже нас отовсюду объемлет». Карта имеет крупные недостатки, что сознавал и сам Киприянов, снабдивший «глобус» характерной надписью: «Благороднейший мой читатель будь и ты сему подражатель. Ащежь есть и погрешения Молю тобою исправления. Понеже бо труд сей избранный вначале Трудники изданный». Поэтому через 6 лет В. Киприянов выпустил новое, улучшенное издание земных полушарий: «Всего земного круга таблицы ново на свет произведены... во Гражданской типографии против немецких карт... в ЦР (царствующем) граде Москве, от библиотекаря В. К. лета 1713». ¹

Слова «против немецких карт» говорят (как это часто было принято в начале XVIII в.) лишь о том, что в основу положены вообще иностранные, но не обязательно немецкие источники

В. Киприяновым был использован атлас Блеу. ²

Контуры северо-восточной оконечности Азии на картах Блеу и Киприянова чрезвычайно похожи. Но, как правильно подчеркивает А. В. Ефимов, эта карта «и по своему технико-географическому воспроизведению, и по содержанию не является только копией», но составлена на основании нескольких источников, переработанных русским картографом. ³

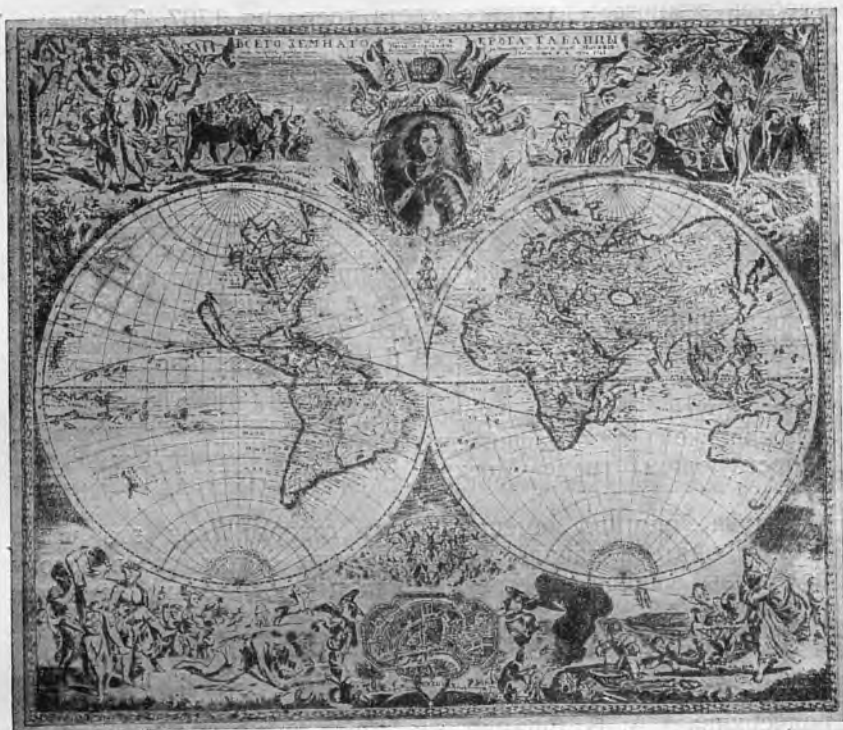
В. Бриллиант, давший в своей статье фотокопию этой карты (фиг. 7), говорит о том, что она, будучи помещена на выставке в память 50-летия со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая (в апреле 1938 г.), «...неволью обращала на себя всеобщее внимание своим «парадным» оформлением и

пользе и увеселению служащие, 1761; Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. II. Листы исторические, календари и буквари. СПб., 1881; его же. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв., т. 1—2 (посмертное изд.). СПб., 1895; В. Бриллиант. Картографическая история открытия Новой Гвинеи. Изв. Гос. геогр. об-ва, 1939, т. 71, вып. 1—2; А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.

¹ Библиотекой назывался склад произведений печати, находившийся при Гражданской типографии. В. Киприянов, руководя типографией, носил официальное название «библиотекаря», равнозначателем заведующему издательством.

² А. В. Бородин. Там же, стр. 81.

³ А. В. Ефимов. Там же, стр. 128—129.

Фиг. 7. Карта полушарий В. Киприянова 1713 г.

прекрасным портретом Петра. Во всяком случае, перед нами лежало изображение полушарий, не уступавшее лучшим современным образцам». ¹

Тем же В. Киприяновым выгравирована и издана «Новая земная плоскость», имеющая надпись: «...в Москве во Гражданской типографии от библиотекаря В. К. 1717 лета от воплощения Христова». ² Внизу имеется приписка: «в Москве, в Гражданской типографии... тиснению предана от библиотекаря В. К. вкупе с небесною хартиною соединена».

Карта эта «...представляет собою земную поверхность, нанесенную на плоскость в виде круга с северным полюсом в центре, с меридианами, расходящимися по радиусам, и с параллелями в виде concentрических окружностей. По кругу

¹ В. Бриллиант. Там же, стр. 202.

² Д. А. Ровинский. Там же, стр. 282.

ходят две линейки с делениями, укрепленные подвижно в его центре в виде стрелок».¹

Большой интерес представляют и карты отдельных частей света, прежде всего Америки, так привлекавшей внимание русских деятелей петровского времени. Такова карта работы того же В. Киприянова под названием «Новейшее и тщательнейшее полунощные и полуденные Америки описание, многие места новыми умноженное и исправно разделенные на все части нынешние... против амстердамских карт». В правом нижнем углу надпись: «...под надзрением Якова Вилимовича Брюса мапшы, тисненны в Москве во Гражданской типографии, от библиотекаря В. К. новопредлагаются. Лета господня 1713».² В ней содержатся и некоторые сведения об открытии Америки: «Америка именованье имать от Америка Веспучия Флорентина иже Емануила, Португалии царя помощию от Гадов в лето 1497 отшеды, первый из европейских поелику надлежаще во оную вниде. Аще и первейший Христофор Колумб Генуенски в лето 1492, за повелением фердинанда царя Каstellи, острова Америки: Гиспаниолу, Кубу и Ямайку описал».³

В Москве же были изданы и карты других частей света: «Всеа Африки тщательнейшая таблица, паки исправно рассмотренная, многими месты умноженная, на части тако большая яко меньшая разделенная... во гражданской типографии от Б. В. К. против Амстердамских карт».

«Тщательнейшая всеа Азии таблица, на все части разделенная, новоисправленная и на свет произведенная в Москве во Гражданской типографии от Б. В. К. против Амстердамских карт».

«Новое и тщательное описание Европы, разделенное на царствии и страны наилучшие против амстердамских карт в Москве во Гражданской Типографии. От библиотекаря В. К.»⁴

Эти три карты не имеют дат. Издание карт Африки и Азии надо отнести к тому же 1713 г.⁵ Сложнее обстоит дело

¹ А. В. Бородин. Там же, стр. 84—85.

² Мапшы — карты.

³ Действительно, Америго Веспуччи утверждал, что в 1497 г. он совершил первое плавание в Америку. Однако достоверность этого опровергается многими современными исследователями. В 1499 г. Веспуччи плывал к берегам Южной Америки с флотилией, организованной Охедой на свои средства. Видимо, помощь этого Охеды, превращенного русским переводчиком в Гада, и имеется в виду. Остров Гиспаниола, открытый Колумбом, — Эспаньола, старинное название о. Гаити.

⁴ Слова «от Б. В. К.» означают: от библиотекаря Василия Киприянова.

⁵ А. В. Бородин и А. В. Ефимов, специально изучавшие их, относят издание к 1713 г.

с картой Европы. Но, повидимому, выход ее в свет также можно приурочить к 1713 г.¹

В 1715 г. вышла новая карта Америки: «Хартина меркаторския Америки или Индии Западныя противо Аглинска хартины ново в Москве за повелением царского пресветлого величества... во употребление и знание мафематико-навигацикх учениках... тиснению предана во гражданской типографии под надзиранием господина генерала фельдцейхместера Якова Вилимовича Брюса... тщанием и за освидетельством мафематико-навигацикх школ учителей Андрея Фархварсена и Стефана Гвьяня от библиотекаря В. К. 1715 лета от воплощения Христова». Карта эта, выполненная в меркаторской проекции и гравированная на меди, изображает Атлантический океан с западными берегами Европы и Африки и восточными берегами Америки. На ней нанесены курсы и магнитные картушки.

Около 1720 г. Пикаром была выгравирована карта Азии на 6 листах, на основании иностранных источников.²

Кроме этого неисчерпывающего перечня карт частей света, были выпущены карты по отдельным странам или по более мелким территориям. Таковы, например: «Королевства польского и великого княжества литовского чертеж», изданный в первых годах XVIII в., повидимому, на основании голландских оригиналов и предназначенный для употребления в русской армии.³

По приказу Петра I была издана с переводом на русский язык всех имеющихся на ней надписей карта Польши Алларда, составленная по известной карте Г. Боплана. В 1715 г. В. Киприяновым издана «Новая размерная хартина от канала до берега барбарийского с островами канарийскими и западными», с нанесенными масштабами в «немецких, гишпанских, аглинских и французских» милях. Карта эта, скопированная из голландского «Морского Атласа» 1676 г., служила учеб-

¹ Дело в том, что на карте Европы не помещен Петербург, а Шлиссельбург назван Нотеборгом. Это дало повод В. В. Бабынину (Русская физико-математическая библиография, т. I, вып. I. М., 1885) считать ее изданной раньше 1703 г. Однако имеющееся на ней указание на Гражданскую типографию, основанную лишь в 1705 г., полностью опровергает соображения В. В. Бабынина. А. В. Бородин, указывая на одинаковую для всех трех карт технику гравировки и на некоторые другие моменты, считает, что все они изданы в 1713 г. и вместе с приведенной ранее картой под названием «всего земного круга таблицы», вышедшей также в 1713 г., представляют собою одно целое, являясь первым русским атласом всех частей света. Соображения, приводимые А. В. Бородиным, можно считать заслуживающими серьезного внимания.

² С. Л. Багров. Карты Азиатской России. Исторические заметки. Пг., 1914, стр. 18.

³ Г. Ф. Миллер. Известия о ландкартах Российских...— Сочинения и переводы..., 1761, стр. 428.

ным пособием. Тираж таких морских карт, издававшихся Гражданской типографией, был очень значителен: «6000 картин плоской и меркаторской от нас отправлены и в отдаче из адмиралтейской канцелярии в школу математико-навигационную», — писал Киприянов 22 сентября 1716 г. из Москвы Я. В. Брюсу в Петербург.¹

Война со Швецией вызывала усиленное внимание к географии Балтийского моря. Так, «в Санктпетербурге лета Господня 1714 мая в 9 день» отпечатана составленная по шведским и другим иностранным источникам «Книга размерная градусных карт Ост-Зее или Варяжского моря», представляющая собою атлас с приложением трех частных карт. Последние «...явились результатом съемок, выполненных русскими моряками».² Этот атлас был переиздан в 1720 и 1723 гг.³

В 1722 г. в Петербурге была выгравирована и напечатана карта, изображающая пограничную линию между Россией и Швецией. Она снабжена латинскими и русскими надписями.⁴

Приведенные выше примеры, касающиеся организации картографического производства в России, служат достаточным доказательством того, что: 1) начатое путем приглашения мастеров из-за границы, оно очень скоро избавилось от иностранной зависимости. Во главе его стали русские люди, полностью овладевшие техникой и создавшие картографические образцы как в смысле применения современных научных приемов, так и по внешнему оформлению, и 2) что даже при печатании карт, изображающих территории, лежащие за пределами России, работники Гражданской типографии не ограничивались простым копированием какого-либо одного иностранного источника. Обычно подобные карты являлись результатом творческой работы русских картографов над заграничными материалами.

ОРГАНИЗАЦИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИИ

Кроме мероприятий в области публикации карт, петровское время принесло с собой коренное изменение техники получения необходимых геодезических данных и резкое

¹ А. В. Бородин. Там же, стр. 84.

² К. А. Салищев. Основы картоведения. Историческая часть. М., 1943, стр. 147.

³ Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории, ч. 1. СПб., 1875.

⁴ Г. Ф. Миллер. Там же, стр. 445.

увеличение объема геодезических исследований. Русской географии и геодезии был придан вполне организованный научный характер. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

В связи с военными действиями против Турции особое внимание привлекал Дон с его притоками, по которому прошел к Азову военный флот, построенный в Воронеже, а также Черное и Азовское моря.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос о картографических работах, произведенных в этих морях, еще далеко не изучен. В. Ф. Гнучева¹ указывает, например, на то, что «...имя Питера Бергмана не встречается ни в одном из обзоров картографических материалов Азовского моря XVIII в.». Между тем, в рукописных материалах Библиотеки Академии Наук СССР ею обнаружен ряд карт Бергмана, Ругелла и Отто. Особенно интересно отметить карту северной части Азовского моря: «205 (1696 г.) месяца октября, по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великие и Малые и Белые Росии самодержца и грамоте ис Пушкарского приказа, вымерено от речки Миуса до речки Еланчика, а от речки до Кривой касы, а с Кривой касы назат до Донского гирла. А чертил сей чертеж инженер Христианко Ругаль». На карте даны контуры берега, промер глубин в прибрежной полосе, устье Еланчика, Миусский лиман и город-крепость Краснояр. Градусной сетки нет.²

Мы видим, что эта небольшая геодезическая работа, охватывающая часть северного побережья Азовского моря между устьем Дона и р. Еланчиком (Грузинский Еланчик — река, впадающая в Азовское море между г. Ждановым, бывш. Мариуполем, и Таганрогом), сделана еще до плавания Петра I по Дону в 1699 г.

Но первое крупное геодезическое мероприятие, выполненное в России с соблюдением основных научных приемов того времени, было осуществлено именно во время этого плавания Корнелием Крейсом под руководством Петра I — была закончена съемка Дона. В своих записках К. Крейс говорит, что он «под смотрением и в присутствии его царского величества сделал, изыскав, от места до места примечал, ширину мест описал и ежеполучасно грунт дипломом и тонким линем, компасом и минутною склянкою расчислил, дабы подлинное положение и расстояние ее измерить, а то есть самое

¹ В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии Наук XVIII века. М.—Л., 1946, стр. 18.

² Там же. Прил. II. Б. В. Александров. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги Библиотеки Академии Наук СССР, § 592.

надежное средство к познанию грунтов и на каких румбах реки лежат».¹

Немедленно после окончания составления карты Дона была произведена съемка части Азовского моря, также при личном участии Петра I, сопровождавшего в 1699 г. до Керченского пролива посланника в Константинополь. В 1701 г. соответствующую карту, награвированную Шхонебеком (см. выше), отпечатали.² Работы по картированию Азовского и Черного морей продолжались.

В 1700 г. офицер русской службы Христиан Отто составил две карты:³ 1) навигационную карту Азовского и Черного морей с обозначением пути от Азова до Константинополя, где показаны контуры части Крыма, Кавказского берега и берега у Константинопольского пролива (§ 585), и 2) профили берегов Азовского и Черного морей от Темрюка до Константинополя (§ 586). В 1701—1702 гг. Петром Бергманом было составлено несколько карт: навигационная карта контуров берегов с обозначением устьев рек, населенных пунктов и глубин от Азова до Керченского пролива (§ 593); «специальная» карта Азовского моря, на которой даны контуры берегов с обозначением устьев рек и населенных пунктов, а также профили высот (§ 594); карта гавани Таганрога; карта Белосарайской косы; карта устья р. Кальмиус; «Новая карта от всево моря Палес Меотес (т. е. Азовского) от Азова до Керчи. Зделан на Воронеже 1702 гот» (§ 599); карта Керченского пролива.

Как видим, эти карты по большей части специально навигационного типа, охватывающие небольшие территории. Важно отметить, что некоторые из них имели градусную сетку и определенную проекцию, например, карта Отто (§ 585) — градусная сетка по меридиану через 10', долготы не обозначены, проекция Меркатора.

¹ «Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о казаках), учиненные по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крейсом в 1699 г. и поднесенные царевичу Алексею Петровичу». Опубликованы в «Отечественных записках», 1824, ч. 19, № 53, сентябрь, стр. 305. Самый атлас К. Крейса, как указывалось ранее, издан в Амстердаме между 1703—1704 гг. Диплот — глубоководный лот.

² О. В. Струве считает, что эта карта так и не была выпущена в обращение, повидимому, из-за не понравившейся Петру I надписи. Та же карта, но уже без этой надписи, появилась затем в Атласе р. Дона, изданном К. Крейсом (О. В. Струве. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России.— Зап. Акад. Наук, т. 21, кн. 1. СПб., 1872, стр. 9).

³ Приводимые ниже сведения взяты из соответствующих параграфов «Описания рукописных карт XVIII...», составленного Б. В. Александровым и помещенного в виде приложения II к книге В. Ф. Гучевой «Географический департамент Академии Наук XVIII века». М.—Л., 1946.

С продвижением русских на берега Невы и к побережью Балтийского моря организовались работы по съемкам и картированию моря и прилегающего к нему района. Так, например, по данным Ф. Веселаго,¹ Шхонебеком был выполнен «Географический чертеж над Ижорскою землею со своими городами, уездами и проч.». В него вошла, кроме Ингерманландии, и Карелия. Указанные в дельте Невы острова названы: Васильевский — Гиви-Сари, Петербургский — Березовый и т. п.

Пикаром были выгравированы три карты: «Размерная карта части в начале Балтийского моря», затем — продолжение ее до Рогервика и третья — «Новые размерные карты части Балтиское море» от Гогланда до Эланда с Рижским заливом и Аландскими островами. Шхонебек награвировал в 1705 г. «Часть сначала Балтийского моря...» от меридиана Борго до Ботнического залива с частью Рижского.

Летом 1710 г. Крейс делал промер у Кроншлота (Кронштадта). В 1715 г. поручики Травин и Мясной, а в 1716 г. Кожин производили частичные съемки в разных местах Балтийского моря. В 1720 г. военный инженер Иван Люберас представил частные карты Финского залива, неоднократно картировавшегося затем при Петре I. «Сводом всех этих работ была карта южного берега Финского залива от Котлина до Оденгольма, с островами, кроме лежащих у северного берега. Эта карта была сделана Люберасом в 1724 г., но вся работа, заданная ему государем и состоявшая из генеральной карты Финского залива и 12 частных карт, была представлена Адмиралтейств-коллегии только 26 апреля 1726 г.

Весь берег и острова были сняты с помощью астролябии, промеряли во многих местах 2—3 раза. Описатель пешком с астролябиею сделал 1138 верст, не считая множества морских поездок». ² Мы видим, таким образом, что одновременно с выходом России к морям Петр I приказывал, по возможности, проводить гидрографические исследования, делать промеры, съемки и составлять карты соответствующих частей морей с расположенными в них островами и прилегающими районами.

О картировании Каспия далее будет сказано особо.

Известно, что работы по картографическому изучению необъятных территорий России проводились в петровское время как специально обученными «геодезистами» (топографами), так и многочисленными «служилыми людьми»,

¹ Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории. ч. I. СПб., 1875.

² Там же, стр. 625.

составлявшими различные «чертежи», особенно для территории Сибири.

Достаточно вспомнить хотя бы работы Семена Ульяновича Ремезова, выполненные задолго до начала посылки геодезистов.¹ Но и впоследствии, в течение всего петровского времени, рядовые служилые люди продолжали отправляться главным образом во внутренние районы Сибири, для «учинения чертежей». В этих случаях в даваемых им инструкциях предлагалось уже более точно, чем раньше, измерять расстояния: «...много ль верст — смерять вервью».² Этот элементарный способ был все же значительным шагом вперед по сравнению с маршрутами, измеряемыми в допетровское время просто днями, проведенными в пути. В петровское время посланные обычно представляли «мерные записки», в которых тщательно, от пункта к пункту, обозначались вымеренные расстояния уже в верстах и даже саженьях.

Так, например, сообщалось, что «Юдомы от Креста чрез хребты до реки Урака 20 верст 200 сажень мерных. От волоку вниз по реке Ураку до Охоцкого волоку 80 верст»³ и т. д.

24 октября 1721 г. боярский сын Харитонов представил записку о путях сообщения и расстояниях от Якутска до Охотска, определив их в днях пути и в верстах.

В 1721 г. из Красноярска до Иркутска были посланы боярский сын Кохтуров с конными казаками, которым велели «замерять пятисотными верстами от села до села и от деревни до деревни».⁴ Вернувшись, посланные представили подробный отчет, определив расстояние от Красноярска до Иркутска в 1282 версты.

В 1724 г. из Пельма до Туринска были посланы два казака и один крестьянин «для мерения верст зимним и летним путем», также сообщившие подробные поверстные данные о расстояниях между отдельными пунктами.

Таких отчетов сохранилось до нашего времени довольно значительное число. Но настоящий переворот в технике и

¹ По боярскому приговору 1696 г. С. Ремезов начал составление своей знаменитой «Чертежной книги Сибири», оконченной в 1701 г. Она сыграла выдающуюся роль в истории как русской, так и западноевропейской картографии. Но по существу примененных Ремезовым методов труд этот надо отнести к допетровскому времени. Поэтому краткая характеристика его дана в нашей работе «География в России XVII века». О картографических трудах Ремезова, выполненных позже 1701 г., будет сказано в дальнейшем.

² П. С. И., т. II, № 20. «Доезд служилого человека С. Максимовых и сына боярского Ф. Антипина, от 15. II 1715».

³ Там же.

⁴ Там же, т. II, № 60.

⁵ Там же, № 72.

начало научной организации геодезии и картографии петровского времени связаны с обучением геодезистов и посылкой их для работы на местах.

Петр I «...еще в 1715 г. генералу Апраксину... приказал некоторое число людей таким образом в географических действиях обучить велеть, чтоб в каждую провинцию по 2 человека для снимания оной отправлены быть могли, дабы из сочиненных ими партикулярных карт после сделать генеральную карту». ¹ В 1717 г. часть геодезистов была уже отправлена «для снятия местностей и сочинения ландкарт». В частности, в Сибирь выехали в числе нескольких других Федор Лужин и Иван Евреинов, с именами которых мы уже встречались.

Именным указом, данным из Сената 9 декабря 1720 г. (П. С. З., т. VI, § 3682), повелевалось учеников, «которые в Санктпетербургской Академии ² геодезию и географию обучили, тех послать в губернии для сочинения ландкарт, а жалованье оным давать тех губерний из доходов, против других ³ их братья по 6 рублей человеку в месяц».

Геодезисты получили в начале 1721 г. составленную лично Петром I инструкцию, гласившую: «Пункты каким образом сочинять ландкарту». ⁴

§ 1. «В каждом городе брать по квадранту широту места, и от того города идти одною дорогою чрез разные румбы до межи того уезду».

Далее предлагалось корректировать сведения «скасками обывателей», измерения производить с учетом всех правил, «как о том вам в учении геодезийском показано».

§ 2. «В ландкартах писать градусы по широте, те, которые усмотрены будут по квадранту, а по долготе от Канарских островов, как в старых ландкартах и в каталогах написано; от экватора к полюсу по долготе градусы убавлять по пропорции, которая Вам показана в Академии».

§ 3. «В ландкартах же писать каждые города и каждые села, и деревни, и реки, откуда которая вытекла и в которую реку впала, также и озера и из них реки, и леса, и поля так, как ландкарты сочиняются».

С этих пор в России впервые начали применяться методы

¹ М. Д. Хмыров. Сведения о Василии Киприянове библиотекаре Московской Гражданской типографии при Петре I.—Русский архив, год четвертый, 1865, № 8—9, стр. 1299.

² Морской.

³ Против других — в соответствии с другими.

⁴ П. И. Иванов. Обзорение геодезических работ в России со времени императора Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 г.—Зап. Русск. геогр. об-ва, СПб., 1853, кн. 9, стр. 427—428.

инструментальной съемки в работах массового характера, охватывающих ряд районов государства. Правда, способы, употреблявшиеся при этом, были еще весьма несовершенны. Но, по мнению такого авторитетного ученого, каким являлся академик О. В. Струве, «...для имевшейся в виду цели составления специальных карт в масштабе 10 верст в дюйме они были достаточны, и нужно согласиться, что в этом случае применение простейших способов было весьма благозвучно». ¹ Так начало воплощаться в действительность решение Петра I о составлении генеральной карты Российской империи. До осуществления ее Петру I не удалось дожить, но ему принадлежит инициатива и первоначальное общее руководство этим важным делом.

Обратим внимание на те губернии, куда считалось необходимым направить геодезистов в первую очередь еще до издания указа 1720 г. Четыре человека получили распоряжение ехать в Воронежскую и четыре — в Астраханскую губернии. Первая из них, как известно, играла очень большую роль в развитии хозяйственных и, особенно, транспортных связей петровской России с югом. Вторая примыкала к Каспию, являясь, таким образом, чрезвычайно важным плацдармом для попыток проникновения в Персию и Среднюю Азию. Двух геодезистов командировали на речку Гжать «...для перекапывания крутых луков и для составления ландкарт Можайскому, Верейскому, Боровскому и Вяземскому уездам», т. е. для работ в Московской губернии, продолжавшей и после перенесения столицы в Петербург иметь выдающееся значение в жизни страны. Наконец, пятерых геодезистов послали в Сибирь.

При этом очень характерно то обстоятельство, что четверых из них направили в пограничные районы Сибири и Дальнего Востока и на прилегающие к нему моря. Это вполне соответствует тому особому интересу, который вызывали указанные территории в связи с отмеченными ранее широкими хозяйственно-политическими планами Петра I, связанными со Средней и Северо-Восточной Азией. Двое из пятерых посланных геодезистов (Федор Лужин и Иван Евреинов) имели специальное задание провести исследования на Дальнем Востоке и в Тихом океане, а двое других были прикомандированы к отряду майора Лихарева, посланному к озеру Нор-Зайсан. ²

¹ О. В. Струве. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии в России.— Зап. Акад. Наук, т. 21, кн. 1. СПб., 1872, стр. 14.

² Сведения об экспедициях Лихарева и Евреинова с Лужиным изложены выше в соответствующих разделах настоящей работы.

К этому же периоду надо отнести посылку двух геодезистов для работы в Комиссии по разграничению земель между Россией и Швецией и двух — в Китай с посольством капитана Измайлова.

Таким образом, посланные в Сибирь до указа 1720 г. геодезисты были направлены главным образом в пограничные районы России или за ее пределы для выполнения специальных заданий, вызванных широкой международной политикой, проводимой Петром I.

Во исполнение указа 1720 г. геодезические работы в годы царствования Петра I начали проводиться и в других местах России. Так, например, в 1721 г. геодезисты были направлены в следующие губернии: Московскую, Рижскую (новую пограничную), Архангелогородскую — очень мало изученную и все же и после основания Петербурга имеющую большое, хотя и падающее значение для внешней торговли России, в Казанскую, Нижегородскую, Киевскую. В том же 1721 г. в Тобольск послали геодезиста П. Чичагова, работавшего около 5 лет по описанию севера Тобольской провинции, Енисейской провинции и юга Западной Сибири. Наконец, по указу Сената от 4 февраля 1724 г. состав геодезистов, командированных в Сибирь, увеличили еще четыремя. Всего за эти годы было отправлено в указанные выше места 35 человек.

При жизни Петра I ряд ландкарт и отчетов геодезистов уже стал поступать в Сенат; так, например, в 1721 г. — ландкарта Нижегородского уезда и ряда городов Воронежской губернии, в 1722 г. — Азовской губернии.¹

Все же к середине 1723 г. поступление материалов от геодезистов было настолько неудовлетворительным, что вызвало специальный указ «из Сената Штатс-конторе» от 23 августа 1723 г. В нем напоминалось о том, что указ 1720 г. требовал от губернаторов и воевод «...когда какой провинции или уезда ландкарту сделают, присылать таковые в Сенат и в Камор Коллегию немедленно. А по справке, в Сенат вышеписанные ландкарты присланы только из Сибирской, из Азовской, из Нижегородской, из Казанской губерний, и то не все, а из прочих ниоткуда не прислано и за чем о том неответствовано».²

В течение полутора лет, прошедших после выхода указа до смерти Петра I, материалы из губерний и провинций продолжали поступать, но в сравнительно небольшом количестве. Все же, по данным, полученным С. Е. Фелем на основании

¹ П. И. Иванов. Там же, стр. 427—438.

² Центральный Государственный архив древних актов. Фонд Сената. Дело № 1/1201, л. 50.

специального изучения рукописных материалов, главным образом Отдела рукописей Библиотеки Академии Наук СССР,¹ геодезистами, посланными Петром I, был представлен ряд карт, преимущественно отдельных уездов.

Так, в 1724 г. поступили карты: Выборгского, Кромского, Карачевского, Талецкого, Чернавского уездов. В 1725 г.: Изюмского полка, Кексгольмского и Боровского уездов; не позднее 1725 г.: Архангелогородского, Вагского, Мезенского, Пустозерского, Кеврольского, Кольского, Тотемского, Дорогобужского уездов, Устьянской волости.

По каталогу, представленному геодезистом Петром Чичаговым 1 февраля 1725 г. (т. е. через 4 дня после смерти Петра I), видно, что он обозначил на карте положение 1302 пунктов. С. Е. Фель подчеркивает, что Чичагов к 1725 г. первым в России определил 9 полноценных астрономических пунктов, причем дал не только широты, но и долготы их: Тобольск, Пелым, Тюмень, Туринск, Верхотурье, Тара, Сургут, Обдорск, Омск. Необходимо также отметить огромную по объему съемочную работу П. Чичагова. Так, снятая им Тобольская провинция охватывала примерно территорию в 8° по широте и в 22° по долготе.

К началу 1725 г. в Сенате были получены ландкарты 30 уездов, что составляло всего лишь около 12% к общему числу уездов империи.

Ландкарты откомандированных Петром I геодезистов поступали и после его смерти в течение нескольких лет. Так, например, в 1726 г. Сенатом была получена ландкарта Соликамской провинции, составленная Федором Молчановым,² а также ландкарты Можайского, Верейского и Боровского уездов. Тот же Чичагов, продолжавший служить в Сибири, в 1729 г. прислал в Сенат результаты своих работ, содержащих несколько карт, которые, к сожалению, до сих пор в советских архивах не обнаружены.³

¹ С. Е. Фель. Русская картография XVIII в. Доклад 8. II 1949 г. в Моск. отд. Геогр. об-ва СССР.

² В Отделе рукописной книги Библиотеки Академии Наук СССР хранится рукописная «Ландкарта провинции Соли-Камской, горада Кунгура и с уездом 1726 году, декабря 11 дня». «Сию ландкарту сочинял геодезист Федор Молчанов». (Б. В. Александров. Описание рукописных карт XVIII в. . . в кн. В. Ф. Гнучевой «Географический департамент Академии Наук XVIII века». М.—Л., 1946, прил. II, § 241).

³ А. И. Андреев в своем труде «Экспедиции на Восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века).— Труды Историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1946, стр. 189—190, отмечает очень характерный факт: отсутствующие в настоящее время в Академии Наук и в других русских хранилищах карты Чичагова «неожиданно оказались в Париже, в Национальной библиотеке, в собрании бывших академиков Петербургской Академии И. Н. Делиля и Ю. Клапрота. Если карты из-

Петру I так и не пришлось дожидаться не только составления генеральной карты России, но и напечатания карты всей Сибири. Правда, в 1713 г. В. Киприяновым была выгравирована «Тщательнейшая всяя Азии таблица», а около 1720 г. Пикаром — карта Азии на 6 листах, но эти карты, как указывалось выше, составлены на основе иностранных.

Остановимся теперь несколько подробнее на некоторых моментах из истории развития картографии в петровское время, в котором особое значение имеют исследования, касающиеся Каспийского и Аральского морей и прилегающих к ним территорий.

ИССЛЕДОВАНИЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Первые известия о Каспии уходят в глубокую древность. О нем упоминают Гекатей Милетский, Геродот, Аристотель, Страбон и другие. Но все эти сведения крайне смутны и противоречивы. Очертания моря не были сколько-нибудь точно известны. Страбон даже считал его заливом, впадающим в океан. Реки Окс (Аму-Дарья) и Яксарт (Сыр-Дарья), по мнению некоторых из них, текли в Каспий.

Подробнее сообщают о Каспии арабские географы. В частности, у них же появляются с XIII в. более определенные сведения о повороте течения Аму-Дарьи из Аральского в Каспийское море и обратно. Большинство же изображений этого огромного озера, фигурировавших в западноевропейских изданиях, представляло его не сильно различающимся по протяжению в широтном и меридиональном направлениях, т. е. значительно более вытянутым с запада на восток, чем в действительности (см. схему картографических изображений Каспия, фиг. 15).

Такую же примерно форму оно сохраняет на картах И. Массы 1633 г. и Олеария 1647 г. и на не дошедшем до нашего времени оригинале русской карты, существовавшей в середине XVII в. в Москве и скопированной в 1665 г. Витсеном. Все еще далеко не точной, хотя и включающей некоторые данные, отсутствующие в более ранних изданиях, является и карта Стрейса (Стрюйса) 1668 г. Точно так же и известная витсеновская карта 1687 г. далека от совершенства. Наряду с заимствованными им у русских довольно точ-

коллекции Делиля — копии, то в коллекции Клапрота хранятся подлинники карт Чичагова; это значит, что Клапрот при отъезде своем увез их из России (разрядка моя.— Д. Л.) и позднее, в 1832 г., продал древнейшие карты Сибири Национальной библиотеке.

ными сведениями в ней нашли свое отражение неверные представления предыдущих периодов.

Таково было положение с изображением Каспия как на русских, так и на иностранных картах до Петра I. При этом Аму-Дарья всегда вычерчивалась впадающей в Каспийское море.

Изучение Каспийского моря и прилегающих к нему территорий было очень важно с различных точек зрения. Петр I, как известно, мечтал о соединении бассейнов Каспийского и Черного морей каналом. Юго-западные и южные районы Каспия являлись весьма важными для развития торговых отношений и вообще для проникновения русского влияния в прилегающие территории Закавказья и Персии. Наконец, его восточное побережье составляло начало того пути в Среднюю Азию, Китай и Индию, которому придавалось первостепенное значение.

Вопрос о течении Аму-Дарьи и вообще о путях, расходящихся в различные стороны от южной части Каспия, приобретал для России после потери Азова и срытия Таганрогской крепости особое значение. И если в допетровский период плавания русских по этому огромному озеру «...доходили только до мыса Тюб-Караган — для меновой торговли с собиравшимися туда туркменами»,¹ то при Петре I они приобрели чрезвычайно широкие размеры. Результаты же произведенных при Петре I многочисленных исследований вызвали переворот в географических представлениях о Каспии у картографов всего мира.

В самом конце XVII в. на одной из карт известной «Чертежной книги Сибири», а именно на «Чертеже земли всей безводной и малопроездной каменной степи», составленном в 1697 г., т. е. уже при Петре I, Семеном Ремезовым на основании показаний очевидцев, появилось неполное изображение Хвалынского моря. Здесь впервые Аму-Дарья (и Сыр-Дарья) впадают не в Каспийское море, а в «море Аральско» (фиг. 8).² Контуры моря показаны грубо схематично, но все же оно изображено вытянутым с севера на юг, т. е. изображение его ближе к действительности, чем на западноевропейских картах.

В этой же «Чертежной книге Сибири» имеется и другая, похожая на предыдущую, карта Каспия.

¹ К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— Зап. Русск. геогр. об-ва, СПб., 1850, кн. 4, кн. 4, стр. 263.

² Опубликована Л. С. Бергом в книге «Аральское море. Опыт физико-географической монографии». СПб., 1908. (Изв. Туркест. отд. Русск. геогр. об-ва, т. 5).

К последнему году XVII в. относится и поручение, данное Голицыным при посещении им Камышинки на Волге датчанину Шельтрупу: «...изучить Каспийское море и снять верную карту берегов, рек и прочее». ¹ Попытка Шельтрупа, проникшего до устья какой-то реки в южной части Каспия, кончилась неудачей и смертью путешественника в персидской тюрьме.

Основные этапы дальнейших работ по составлению первых русских карт Каспийского моря можно охарактеризовать следующим образом. ²

Впервые известие о геодезических съемках и картировании Каспия в петровское время встречается в «Ведомостях», опубликованных по приказу Петра I (№ 11, март 1704 г.). «Ведомости из Астрахани. В прошлом 1703 году послан астраханского морского флоту капитан Еремей Меер на Хвалижское море, которое граничит московское государство с персидским и с иными землями, чтоб для лучшего морского ходу учинить тому всему морю вновь карту, и тот капитан того Хвалижского моря карту учинил, и напечатать велено таких листов многое число». ³

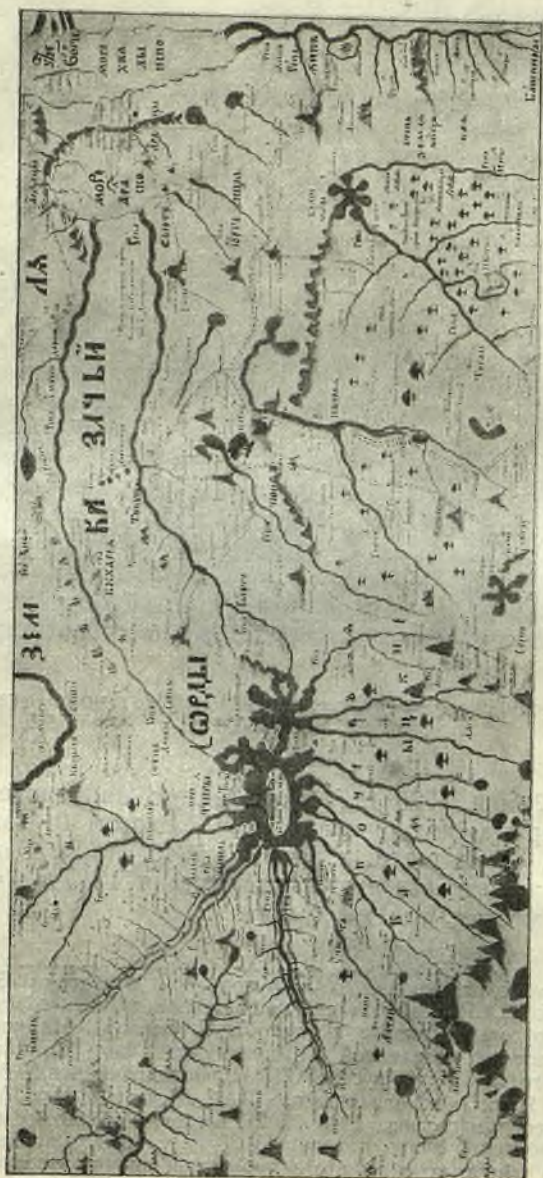
До настоящего времени не обнаружено оригинала или отпечатков этой карты, оказавшей значительное влияние на западноевропейскую картографию, так как в атласах 20-х годов XVIII в. «очертание Каспийского моря приобретает значительно более правильные формы, притом — до знакомства со съемками 1715 и 1719—1720 гг.» ⁴ (см фиг. 9 — карту

¹ Дж. Перри. Состояние России при нынешнем царе. Перевод с англ. О. М. Дондуковой-Корсаковой. М., 1871, стр. 68.

² Характеристика их взята преимущественно из двух работ Л. С. Берга: «Первые русские карты Каспийского моря...» (опубликованной в «Изв. Акад. Наук СССР», серия геогр. и геофиз., 1940, № 2, стр. 159—178) и «Очерки по истории русских географических открытий». М.—Л., 1946, стр. 154—188, а также из неоднократно цитируемых в настоящем разделе сочинений К. М. Бэра, Г. Ф. Миллера, О. В. Струве, «Ведомостей», издававшихся при Петре I, и некоторых других. Помещенные снимки русских карт Каспия, относящиеся к 10—20-м годам XVIII в. и имеющие ссылку на соответствующие номера, под которыми они хранятся в Академии Наук СССР, впервые обнаружены в Библиотеке Академии Наук Л. С. Бергом и опубликованы им в указанной выше статье.

³ Ведомости времени Петра Великого, вып. I, 1703—1707 гг. М., 1903, стр. 131. Об этом поручении, данном Мейеру, сообщает также и Г. Ф. Миллер («Сочинения и переводы...» за 1761 г., стр. 429). П. Пеккарский (Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 345—346) называет 1703 г. годом посылки Мейера. Л. С. Берг (Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1946) считает, что Мейер выполнил эту работу в 1699—1703 гг. Во всяком случае, надо считать, что она была закончена в 1703 г.

⁴ Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1946, стр. 169.

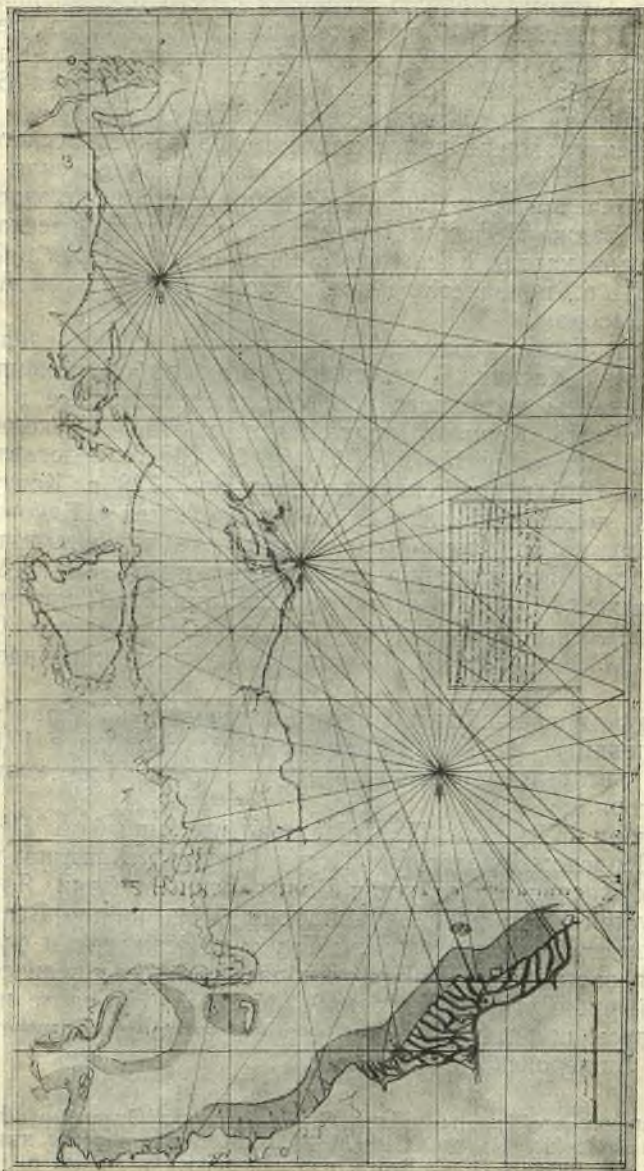
Фиг. 8. Часть карты Ремезова «Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи» 1697 г.
(Опубликована Л. С. Бергом в книге «Аральское море». СПб., 1908)

Фиг. 9. Карта Каспийского моря Оттенса 1722 или 1723 г. по съемкам Еремея Мейера 1699—1703 гг.

Оттенса 1722 или 1723 гг., составленную на основе съемок Мейера. Впервые опубликована Л. С. Бергом в Изв. Акад. Наук СССР, серия геогр. и геофиз., 1940, № 2). Бековичем-Черкасским, в результате его путешествия 1715 г., «сделана карта оным местам, где мы были».¹

¹ Она пока не разыскана, но в рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР хранятся две копии с нее, выполненные в 1718 г. Кожинным и Урусовым (анализ их дан Л. С. Бергом). На копии карты Бековича-Черкасского, сделанной Урусовым (см. фиг. 10, карты Бековича-Черкасского 1715 г. и Урусова 1718 г., числящиеся под № 3370 собрания Академии Наук и опубликованные Л. С. Бергом в Изв. Акад. Наук СССР, серия геогр. и геофиз., 1940, № 2), восточный берег вытянут по меридиану, Астрабатский залив доходит до 33°30' с. ш. вместо действительных 36°40'. Но общие контуры этого побережья значительно точнее, чем показанные на печатной карте Каспия 1720 г. (выполненной Кожинным и Урусовым в 1718 г.). В частности, у Бековича-Черкасского очень хорошо нанесен Кара-Бугаз (Кара-Богаз-Гол).

Фиг. 10. Карта Бековича-Черкасского 1715 г. и Урусова 1718 г. Восточный берег (№ 3370 собрания Академии Наук СССР. Опубликована Л. С. Бергом)

Данные Бековича-Черкасского твердо установили, что Аму-Дарья не впадает в Каспий. Как известно, Петр I указал на это Гильому Делилю во время своего пребывания в Париже в 1717 г. В 1716 г. Кожин по распоряжению Бековича-Черкасского был послан из Тюк-Карагани (Тюб-Караган) до Астрабата «для описания берега и осмотра Балханского залива» и произвел весьма беглые съемки.

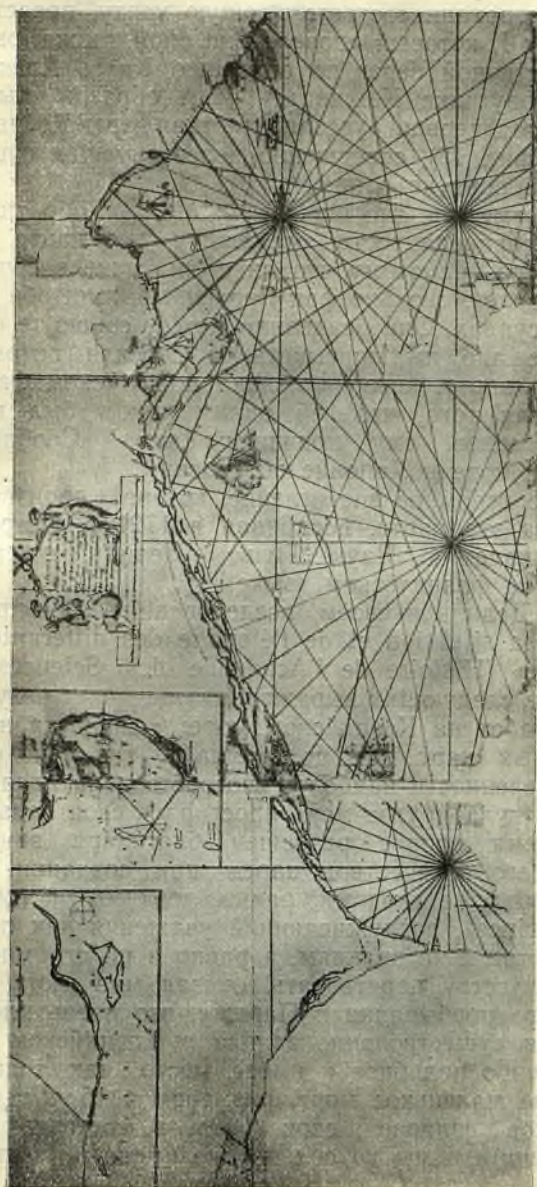
Трагически закончившийся поход Бековича-Черкасского в Хиву в 1717 г. принес дальнейшие важные уточнения по вопросу о течении Аму-Дарьи, сообщенные его вернувшимся спутником Хаджа-Нефесом. Видимо, на основании рассказов последнего на картах Каспийского моря, составленных в 20-х годах XVIII в., появляется сухое русло между дельтой Аму-Дарьи и Каспием.

В 1718 г. Кожин совместно с Урусовым снова сделали съемку частей Каспия. В результате этих работ появились две новые карты восточного побережья, составленные в том же году. Карта Кожина, хранящаяся в отделе рукописей Библиотеки Академии Наук СССР за № 3372, представляет его съемку 1716 г., пополненную данными 1718 г. Контуры восточного побережья на ней не лучше, чем у Бековича-Черкасского, но астрономическое положение по широте правильнее: Астрабатский залив не достигает и 36° . Карта Урусова (там же, № 3370) имеет градусы широты. Пункты по широте нанесены точнее, чем у Бековича-Черкасского. Очевидно, в 1716 г. или 1718 г. производились определения широт.

Следующим важнейшим этапом картирования Каспия явилась экспедиция Ф. И. Соймонова и К. Вердена в 1719—1720 гг., которые произвели съемку западного и южного берегов моря.

30 ноября 1719 г. Ф. И. Соймонов, посланный в Петербург К. Верденом, представил Петру I карту «Хартина плоская моря Каспийского от устья Волги реки протоки Ярковской до устей Куры реки по меридиану Возвышается Вградусах и минутах Северной ширины Глубина Всаженях и футах. Рисованая встрахани 1719 г. октября 15. Вашего величества нижайший раб Carl von Werden»¹ (фиг. 11). На карте нанесены градусы широты. Имеются особые карточки Бакинского залива и Апшеронского пролива.

¹ Подлинник этой карты найден Л. С. Бергом в Отделе рукописей Библиотеки Академии Наук СССР (№ 3369). Ярковского устья ныне не существует. По мнению Л. С. Берга, оно находилось в районе о. Четырехтрубного, но точно указать его местонахождение невозможно. Карта опубликована Л. С. Бергом в Изв. Акад. Наук СССР, серия геогр. и геофиз., 1940, № 2.

Фиг. 11. «Хартина плоская моря Каспийского», составленная Ф. И. Соймоновым и К. Верденом 15/X 1719 г.
(Картографический отдел Библиотеки АН СССР, № 3369. Опубликовано в Л. С. Бергом)

Ф. И. Соймонов, вернувшийся из Петербурга, и К. Верден продолжали съемку западных и южных берегов и в 1720 г. составили в Астрахани соответствующую карту, представленную ими Петру I, который «повелел на оной также означить северной и восточной берег по описанию Князь Александра Бекевича и Порутчика Кожина». Таким образом, была создана знаменитая первая русская печатная карта Каспийского моря 1720 г. (фиг. 12), совершенно перевернувшая существовавшие до того понятия о нем.

Интересно отметить, что еще Г. Ф. Миллер обратил внимание на несправедливость отсутствия на карте имени Ф. И. Соймонова, «...потому что он столько же в сочинении сей карты трудился, сколько фан Верден, ибо они оба ездили на особливых суднах. Они разделили между собою те страны, которые надлежало им описывать, и сносили потом свои труды на одну карту, которая издана под именем фан Вердена, токмо для того, что сей одним чином был выше и господин Соймонов ему подчинен был».¹ Соображения Г. Ф. Миллера, конечно, вполне обоснованы.

Известно то огромное впечатление, которое произвела на ученых Запада эта карта, посланная в 1721 г. Петром I в Парижскую Академию Наук. Гильом Делиль отпечатал ее в Амстердаме на французском языке.

Тот же Г. Делиль в своем исследовании «Détermination géographique de la situation et de l'étendue des différentes parties de la terre» (Histoire de l'Académie des Sciences, 1720, pp. 181—182) в следующих выражениях оценивает результаты грандиозных работ на Каспийском море: «...никогда не было более различных карт как по площади, так и по фигуре. Такой неопределенности наиболее способствовала идея о том, что это залив, куда другое море простирает свои воды. Но в настоящее время вопрос разрешен благодаря вниманию, проявленному его величеством царем при создании точной карты этого моря мореходами, равно ловкими и смелыми. Этот князь (prince), заслуживающий уважения как по своему характеру, так и по знаниям, а равно и по огромной способности к искусству царствовать, оказал мне честь, сказав во время своего пребывания в Париже, что очень плохо делают, допуская существование залива в Каспийском море».²

«Если что-либо подобное и имеет место, так только то, что есть другое маленькое море, размером в 15 лье, в которое Каспийское изливает свои воды в восточной части. О существовании его мы до сих пор не имели ни малейшего

¹ Г. Ф. Миллер. Сочинения и переводы..., 1761, стр. 443.

² Цитировано по П. Пекарскому. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 347. Перевод мой.— Д. Л.

Фиг. 12. Карта Каспийского моря 1720 г., составленная
Ф. И. Соимоновым и К. Верденом. (Картографический
отдел Библиотеки АН СССР, V, № 2100)

понятия. Воды этого моря очень соленые, и рыбы, заходя туда, сначала теряют свое зрение, а потом умирают. Наконец, он сказал, что речка, текущая южнее, не впадает более в Каспий. Жители... были вынуждены... отвести ее воды в места, испытывающие потребность в них, путем каналов, видных на карте, которую он удостоил мне показать».

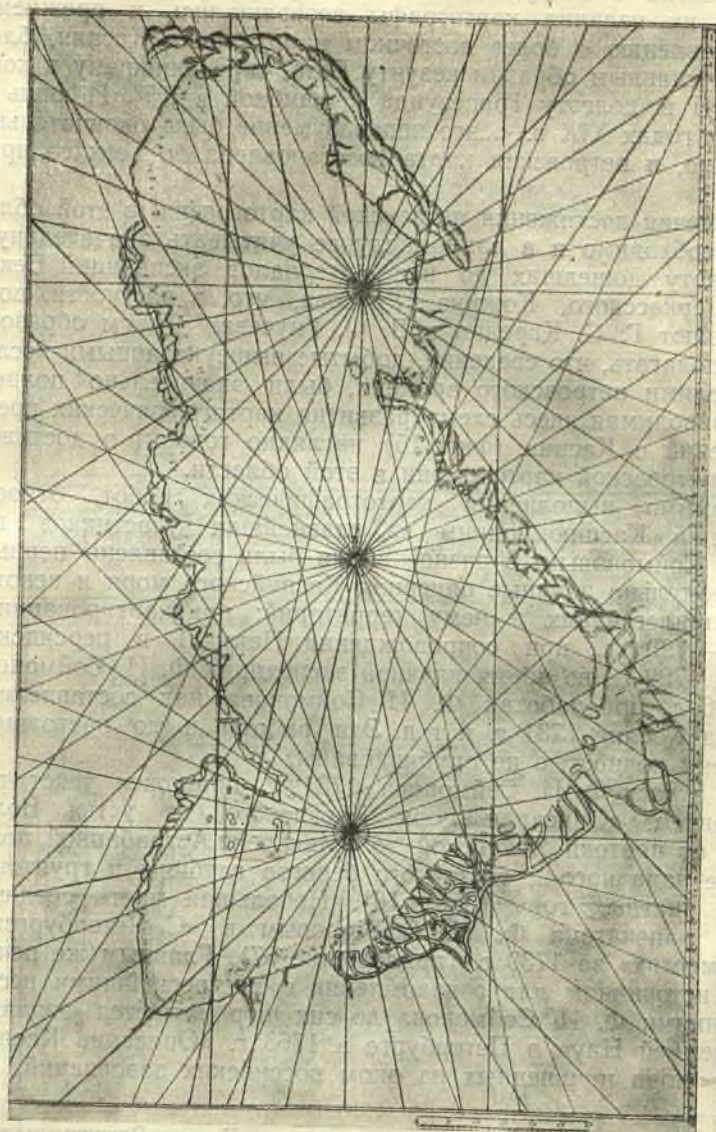
Эта выдержка убедительно свидетельствует также и о том, что в то время в России имелось верное понятие о заливе Кара-Богаз-Гол и о некоторых его физико-географических особенностях.

Съемки на Каспийском море продолжались и после отсылки карты во французскую Академию наук. В частности, их производили и в 1722 г. в связи с персидским походом. Но об этом имеются лишь весьма отрывочные сведения.

Л. С. Бергом найдена (и опубликована в указанном выше выпуске Известий Акад. Наук СССР) рукописная карта Каспия, имеющаяся в четырех вариантах и относимая им к 1723 г. По-новому на ней нанесен только западный берег (фиг. 13). Им же обнаружена в Библиотеке Академии Наук СССР (№ 3373) рукописная карта Каспийского и Аральского морей, составленная около 1723 г. неизвестным автором, на которой очень хорошо изображены очертания обоих морей и Кара-Богаз-Гола (фиг. 14). Общие контуры Каспия изумительно близки к его изображению в наши дни (фиг. 14а).

Изучение Каспия продолжалось соратниками Петра I и после его смерти. Особенно много сделал в этом отношении Ф. И. Соймонов, в частности, во время своей экспедиции 1726 г. В результате его упорных и многолетних трудов в 1731 г. им был издан значительно более точный, чем все предыдущие карты, атлас Каспия. По словам Г. Ф. Миллера, «...сему новому Каспийского моря описанию одолжены мы изрядною картою Каспийского моря, которая в 1731 году определением адмиралтейской коллегии напечатана, а потом английским капитаном Вудруфом вторично издана с некоторыми прибавлениями». ¹ «Петербургские академики, — говорит О. В. Струве, — составляя атлас империи, могли воспользоваться этой картой. Но по неизвестной причине предпочли менее точную карту Вердена». Этому не приходится удивляться, так как мы знаем теперь, как нелегко было русским ученым бороться в то время с иностранным влиянием, господствовавшим в Академии Наук.

¹ Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний... (с доп. Г. Ф. Миллера). СПб., изд. Акад. Наук, 1763, стр. 206.

Фиг. 13. Карта Каспийского моря 1723 г. (Картографический
отдел Библиотеки АН СССР, № 3366. Опубликовано
Л. С. Бергом)

Карты Каспия петровского времени оказались даже точнее многих последующих западноевропейских. Значительно позже их издания картографы возвращались к прежнему представлению о более восточном направлении Каспия, благодаря главным образом иезуиту Беза, определившему в конце XVII в. долготу Трапезунда с ошибкой в 7.5° . И лишь в первых годах XIX в. «...это недоразумение было окончательно рассеяно, и петровская карта восстановлена во всех ее правах». ¹

Отмечая достижения петровской картографии в этой области, необходимо и в данном случае учитывать значительную неполноту дошедших до нас материалов экспедиций Бекевича-Черкасского, Кожина, Урусова, что, в частности, подчеркивают Г. С. Карелин и В. Ф. Гнучева. ² Таким образом, надо полагать, что сведения, добытые вышеуказанными исследователями петровского времени, были значительно полнее.

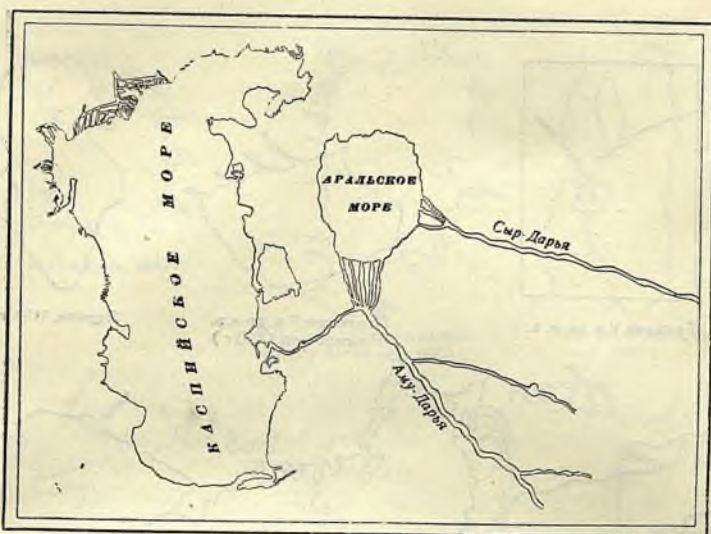
Приводимая здесь схема развития картографических представлений о Каспии (фиг. 15) наглядно говорит о достижениях петровской картографии в этой области.

Помимо выполнения картографических работ, относящихся к Каспию, одним из главнейших участников их, Ф. И. Соймоновым, в разное время были составлены первые, действительно научные описания Каспийского моря и некоторых прилегающих к нему территорий: при картировании в 1719—1720 гг., при сопровождении Петра I в персидский поход 1722 г., во время научной экспедиции Ф. И. Соймонова в 1726 г., при работах Ф. И. Соймонова над составлением атласа Каспия 1731 г. и т. д. Эти работы и до настоящего времени полностью не опубликованы.

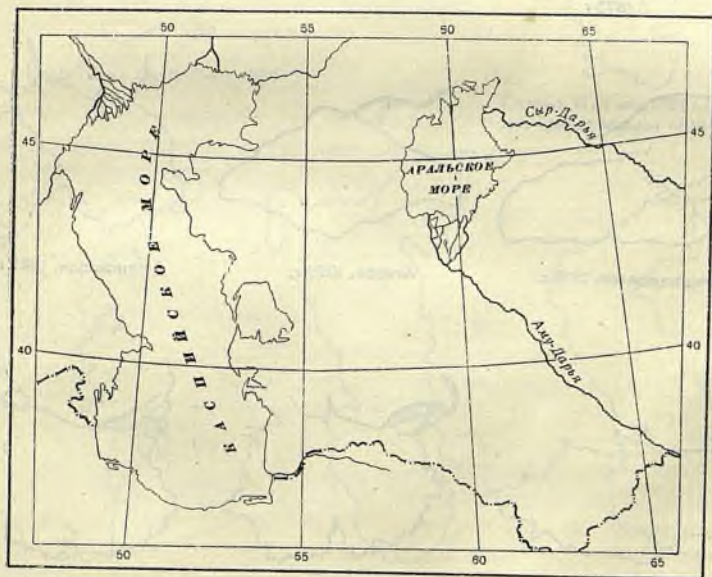
К атласу Ф. И. Соймонова 1731 г. приложен текст под заглавием: «Описание моря Каспийского, от устья Волги реки, от протоки Ярковои до устья реки Астрабацкой, положение западного и восточного берегов глубины и грунтов и виды знатных гор» (фиг. 16). Небольшая часть сведений была напечатана Ф. И. Соймоновым в «С.-Петербургских Ведомостях» за 1739 г. (приложение 57). Главным же печатным источником для ознакомления с интереснейшими исследованиями Ф. И. Соймонова до сих пор является изданное Академией Наук в Петербурге в 1763 г. «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко

¹ О. В. Струве. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России.— Зап. Акад. Наук, т. 21, кн. 1. СПб., 1872, стр. 12.

² В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии Наук XVIII века. М.—Л., 1946 (Труды Архива Акад. Наук СССР, вып. 6, стр. 20).

Фиг. 14. Схема очертаний Каспийского и Аральского морей неизвестного автора, около 1723 г. (Опубликована Л. С. Бергом)

Фиг. 14а. Схема очертаний Каспийского и Аральского морей (политико-административная карта СССР, 1947 г.)

Генетей, V в. до н.э.

Птоломей, II в. до н.э.
(Римское изд. 1490 г.)

Эдрий, 1154 г.

Каталонская карта мира,
1375 г.

Фра Мауро, 1459 г.

Бехайм, 1492 г.

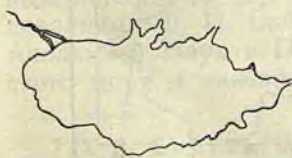
Вальдземюллер, 1516 г.

Агнесе, 1525 г.

Дженкинсон, 1562 г.

Ортелиус, 1571 г.

Герритс, 1614 г.

И. Масса, 1633 г.

Фиг. 15. Схема развития картографии

А. Олериус, 1647 г.

Русская карта, скопированная Витсеумом, 1665 г.

Чертеж Ремезова, 1697 г.

Идес, 1704 г. (по Витсеуму 1687 г.)

Оттенс, 1722 или 1723 г. (по съемкам Еремея Мейера 1703 г.)

Верден и Соймонов, 1720 г.

Карта 1723 г. (Неизвестного автора)

Современная карта 1947 г.

чешских представлений о Каспийском море

часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и ордена святого Александра Кавалера, Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность службы морским офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-секретаря, профессора Истории Г. Ф. Миллера».

Материалы, оставленные Ф. И. Соймоновым о Каспии и его побережьях, гораздо шире чисто картографических. Чтобы не возвращаться далее к этому вопросу, укажем в данном разделе на основные черты его исследований, поскольку они нашли свое отражение в далеко неполном изложении Г. Ф. Миллера.

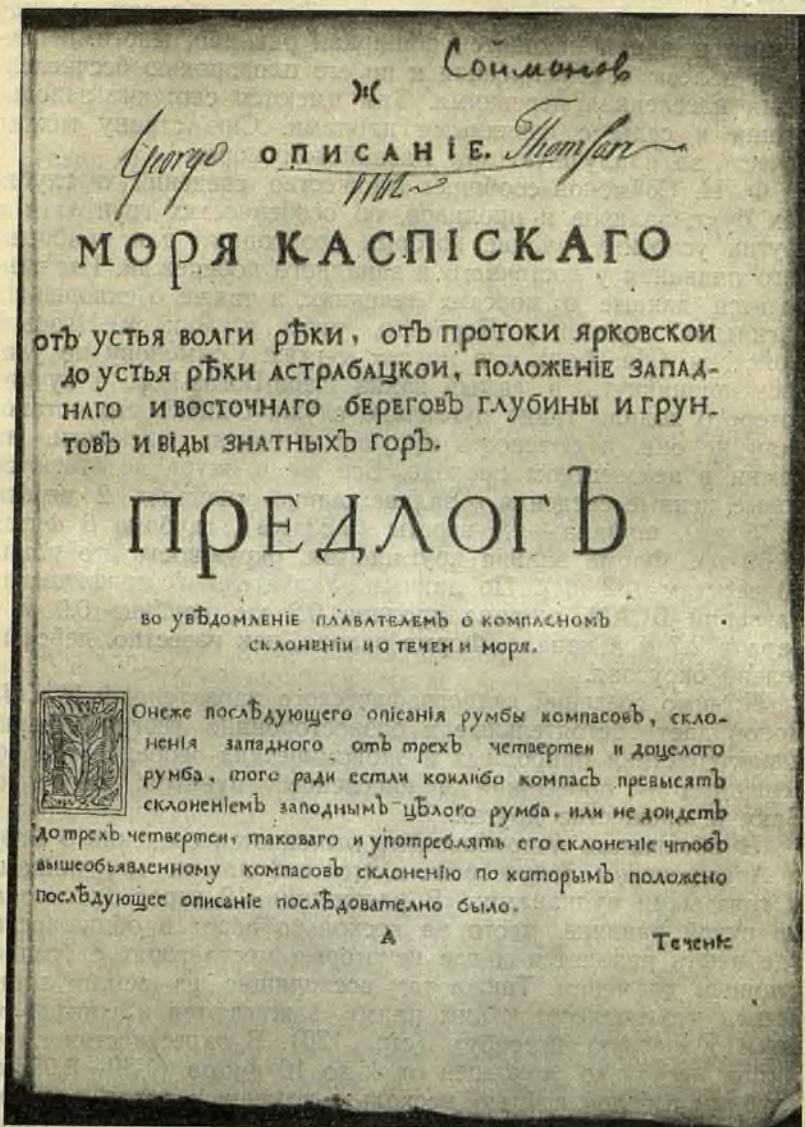
Значительную часть занимает, конечно, общее текстовое описание пунктов, положенных Ф. И. Соймоновым на карту, начиная с Ярки-устья, одного из главных рукавов Волги. Во время своих плаваний Ф. И. Соймонов побывал во многих местах на побережьях Каспия, объехав его, в конечном итоге, кругом. Сделанные им астрономические наблюдения поражают своей точностью, далеко превосходящей данные, имевшиеся до того в Западной Европе.

Так, например, Ф. И. Соймонов определил широту Дербента в $42^{\circ}06'$ с. ш. Олеарий считал ее равной $41^{\circ}50'$. В известных географических сборниках Гэклюйта, широко распространенных на западе, она исчислялась в $41^{\circ}52'$. По современным данным,¹ Дербент лежит под $42^{\circ}04'$ с. ш. Таким образом, ошибка, допущенная Ф. И. Соймоновым, производившим исчисления более 200 лет назад гораздо менее совершенными приборами, составляла всего две минуты! И это далеко не случайность. Так, Апшеронский «мыс» по Ф. И. Соймонову находится на $40^{\circ}23'$ с. ш., а по Большому Советскому Атласу Мира (БСАМ) Апшеронский полуостров лежит на $40^{\circ}28'$, собственно же Баку — на $40^{\circ}23'$. Тюлений остров — соответственно $44^{\circ}12'$ (Соймонов) и $44^{\circ}30'$ (БСАМ).

Даже определение местоположения Кара-Бугаза (Кара-Богаз-Гола), представлявшее в то время особые трудности, было выполнено Ф. И. Соймоновым сравнительно точно — $40^{\circ}40'$ с. ш. против $41^{\circ}03'$ по данным БСАМ. Приведенные примеры достаточно убедительны.

Ф. И. Соймонов в своих путевых журналах дает общую характеристику рельефа побережий Каспия, главным образом его западной части, например: «Вообще надлежит

¹ Большой Советский Атлас Мира (БСАМ). Указатель географических названий первого тома. С дополнением некоторых географических и статистических сведений. М., 1940.

Фиг. 16. Фотокопия печатного экземпляра «Описание моря Каспийского»
Ф. И. Соймонова. (Картографический отдел Библиотеки АН СССР,
№ 1731/5)

примечать об оной стране, что хотя горы от Дербента идут к югу, однако до берега не касаются, но от оногo в некоторых местах на 50 верст отстоят. Таким образом, между горами и морем находится обширная равнина, многими речками и лесами испещренная и по его плодородию бесчисленными населенная деревнями. Там имеются скотские заводы, пашни и сады с изрядными плодами. Сию страну можно почесть за наилучшую при Каспийском море».¹

Ф. И. Соймонов сообщает множество сведений о глубинах бухт, заливов и проливов, об особенностях грунтов и о других условиях, знание которых необходимо для прибрежного плавания у восточного и западного побережий. Им приводятся данные о морских течениях, а также о склонениях магнитной стрелки у Дербента, устья р. Яик, у Низовой Пристани (Низабад) и в других местах. Соймонову не удалось проникнуть в самый залив Кара-Богаз-Гол, о пучине которого ходили такие пугающие слухи. Однако его остановили не они, а опасность бурунов и боязнь наскочить на камни в неизвестном проходе. Все же в журнале имеются новые ценные сведения о заливе: длина «канала» 2 версты (2.13 км), ширина — $1/2$ версты (0.53 км), глубина 6 футов (1.89 м). Форма залива кругловатая, окружность его равна 30 верстам (32 км). По данным Указателя географических названий БСАМ, ширина пролива 0.2 км, глубина 0.9 м у бара и 2.7 м в канале. Форма залива, как известно, действительно округлая.

Помимо сведений гидрографического характера, Ф. И. Соймонов дает обстоятельные и разносторонние географические характеристики природных и экономических особенностей посещенных им побережий и населенных пунктов: Дербента, Баку и множества других.

Наибольшими подробностями отличаются сведения о Баку и Апшеронском полуострове с его нефтяными источниками и грязевыми вулканами: «В расстоянии 12 верст от города, на сухой равнине, место на несколько верст в обширности, где нефть находится и где некоторые места горят с беспре-
станным пламенем. Также там восходящие из земли пары, естли кто поднесет к ним пламя, зажигаются и употребляются в разную потребу» (стр. 170). В окрестностях находится несколько колодцев от 4 до 10 футов (1.29—3.05 м) глубины с белой нефтью, несколько каменных палат, а также ряд расщелин земли, из которых вырывается непрестанно

¹ Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. СПб., изд. Акад. Наук, 1763, стр. 38—39. В дальнейшем в тексте при цитатах указываются страницы из того же источника.

горящее пламя. В каменных палатах живут «индейские пилигримы» из секты почитателей огня (езиды).

Местность так насыщена подземными газами, что часто стоит провести в земле борозды «произвольной фигурой» в 2—3 вершка (0.13—0.19 м) глубиной и поднести к ним пламя, как «тот же час вся та фигура загорается на поларшина вышиною». Поэтому в земляном полу домов делают глиняные трубочки в 4—5 вершков (0.26—0.33 м) вышиною и зажигают «исходящей сквозь трубочки пар лучинкою или соломинкою... происходит пламя, которое так жарко, что сии люди над оным котел ставят и кушание себе варить могут».

В соседстве с Баку имеются «во многих местах колодези или родники, в которых вода с землею смешана наподобие жидкого киселя... и через несколько минут вздувается и прорывается». Такими образными словами описаны Ф. И. Соимоновым нефтяные богатства и грязевые вулканы Баку, вызывавшие большой интерес Петра I и его соратников. Г. Ф. Миллер, излагающий эти записи, обращает внимание на то, что «господин Соимонов принял труд все точно измерить» и приводит конкретные цифры грязевых «бугров» в 5 верстах от Баку.

Известно, какое внимание уделяется в настоящее время проблеме изменений уровня Каспийского моря. В записках Ф. И. Соимонова встречаются указания, сохраняющие значение и для современных исследователей этого вопроса: «В Бакинском заливе, две версты от города к югу, видны на 4 саж. глубины остатки большого каменного строения, которого хотя большая часть уже и развалилась, однако в некоторых местах выше воды еще знаки есть. Сказывают, что то был Караван Сарай, который в старину стоял на твердой земле и землетрясением поглощен морем» (стр. 174). Эти записи сделаны в 1723 г. Объяснение погружения здания в море землетрясением — спорно. Но самый факт точной регистрации местоположения затопленных построек и глубины слоя воды, покрывавшей их в то время, является очень ценным и теперь.

Наряду с характеристикой природных условий, Ф. И. Соимонов уделяет много внимания и экономическим особенностям Прикаспийского района, его хозяйству, значению и возможным перспективам развития, делает вполне конкретные предложения, обнаруживая очень широкий для своего времени кругозор.

Так, например, говоря о Гилянской провинции, он указывает на ее исключительное богатство и выгоды географического положения. Места там изобилуют лошадьми и рогатым скотом. Кроме пшеницы и ячменя, родится много сорочинского

пшеница (т. е. риса). «Сия польза происходит от того, что земля к морю низка и болотна, также иногда во время самых северных ветров морскою водою заливаётся». Из рек, текущих с гор в море, жители отводят каналы для орошения. «Где сие учиниться не может, там растут цитроны, помаранцы, финики, смоквы, гранатные яблоки, сливы, оливы, дыни, арбузы, виноград, превеликими, хотя не весьма сладкими кистями отягченной, которой вьется вверх по другим деревьям, и всякой овощь растет в таком изобилии, что вся земля уподобляется приятнейшему и полезнейшему саду» (стр. 193).¹

Вино здесь лучше дербентского. Лишь «одно обстоятельство, сей земле вред приносящее, состоит в влажности тамошнего воздуха, многие болезни производящей». Причина этого — высокие горы, препятствующие морским испарениям «далее ветром проносятся». Огромная влажность вызывает несметное множество комаров и других «инсектов» (насекомых) и покрывает ржавчиной железо и даже карманные часы.

Описывая находящийся в Гилянской провинции г. Ряше, Ф. И. Соймонов отмечает его значение в качестве пункта пересечения караванных путей, идущих из Турции, Персии, Бухарии и из самой Индии, что делало «сие место сборищем всех европейских и азиатских товаров».

Петр I приказывал Ф. И. Соймонову тщательно исследовать нижнее течение и устье Куры для заложения там гавани и «купеческого места». Весьма вероятно, что выбор этого места был сделан не без влияния Соймонова, обращавшего внимание на его выгодность и возможность привлечения туда всего купечества из Грузии и Ширвана. «Сие бы место со временем могло быть первым купеческим городом для всего западного берега Каспийского моря». Ф. И. Соймонов указывал и на выгодность Астрабата, могущего также служить гаванью для торгов с Хорасаном, Бухарою, Самаркандом, Балхом и с «самою Индией». Что касается восточных побережий Каспия, то соорудить на нем гавани не стоит «для² неверных и хищных Трухменцов и потому, что разбойнической город Хива пересекает все отдаленные торги. Токмо на Тюк Карагане можно, так как и прежде отправлялись торги, и употребить на то малые суда» (стр. 337).

В целях улучшения связи необходимо у Апшеронского пролива и на острове учредить магазин «для всяких корабельных потребностей и содержать там постбот с одним

¹ Цитроны — лимоны, помаранцы — апельсины.

² Слово «для» в данном случае значит «из-за», «ради».

унтер офицером, ...который бы ходил по всем гаваням и оттуда приносил бы в Астрахань известия». Очень желательно разрешить частным лицам сделать «рыбные заколы» в рукавах Куры, куда, так же как и в Волгу, заходят белуги, осетры, севрюги.

Помимо этой обширной программы развития русских промыслов и торговли в прикаспийских территориях, опирающейся на тщательное изучение очень крупного и важного района, Ф. И. Соймоновым сделаны специальные «примечания», затрагивающие отдельные проблемы более частного порядка, например, «О делании шелка в Гилани». Здесь после описания способов производства, качества и доходов, получаемых от гиланского шелководства, предлагается развивать его в Терках (на русском западном побережье Каспия). Затем следуют особые разделы: «О рыбной ловле на Волге и Каспийском море», «О делании вина в Терках», «О Сафране,¹ который бы в Терках растить можно». Ф. И. Соймонов сообщает, что в Дербенте произрастает шафран, который Петр I «рачительно одобрять повелел и что первые опыты не без плода были».

На этом закончим краткое рассмотрение описаний Каспийского моря, сделанных Ф. И. Соймоновым. Оно свидетельствует о том, насколько совершеннее и на более высоком научном уровне по сравнению с допетровской Россией проводились в петровское время не только картографические работы, но и другие исследования, связанные с изучением территории Российского государства.

«ОТКРЫТИЕ» АРАЛЬСКОГО МОРЯ

Второй громадной заслугой петровской картографии является «открытие» Аральского моря, которому еще более, чем Каспийскому, «не повезло» у картографов.

«Может показаться баснословным, — говорит К. М. Бэр, — но тем не менее достоверно, что до Петра ученый мир вовсе не знал Аральского моря и что Каспийское море на картах почти всегда означалось по сведениям, собранным в Африке за полторы тысячи лет, а именно — по Птолемею Александрийскому».² Под «ученым миром» К. М. Бэр понимает здесь западноевропейскую картографию того времени. Л. С. Берг в своем обстоятельном вводном «Очерке истории исследова-

¹ Сафран — шафран.

² К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого... — Зап. Русск. геогр. об-ва, 1850, кн. 4, стр. 260.

ний в связи с историей картографии Аральского моря»¹ говорит об отсутствии прямых и косвенных указаний на Аральское море у греческих и римских авторов, хотя многие из них упоминают об Оксе (Аму-Дарье) и Яксарте (Сыр-Дарье).

Сведения об этом озере (и впадающих в него реках) появляются в арабских работах IX в. Впервые о нем упоминает Ибн-Хордадбех, писавший около 847 г. о впадении туда Аму-Дарьи. В дальнейшем оно фигурирует неоднократно на различных арабских картах. Но в описаниях и картах, составленных в Западной Европе, Аральское озеро отсутствует. Плано Карпини, Рубруквис, Марко Поло о нем не упоминают, хотя последний сообщает об Аму-Дарье, впадающей в Бакинское (т. е. Каспийское) море. На Каталонской карте 1375 г. Сыр-Дарья совершенно не показана, Аму-Дарья течет в Каспий, но «никакого намека на Аральское море нет». В общем, резюмирует Л. С. Берг, — «...вплоть до середины XVI столетия мы видим, что в Западной Европе в это время не имели положительных сведений об Аральском море, в то самое время, когда мусульманским писателям оно было хорошо известно».² Если не считать весьма спорных толкований о наличии Арала на карте Дженкинсона 1562 г., можно думать, что и «...в течение почти всего XVII столетия (вплоть до 1687 г.) карты Азии и, в частности, «Татарии» не дают ничего нового в отношении Аральского моря».³

Так обстояло дело на западе. Как мы видим, приведенное выше мнение К. М. Бэра об отсутствии в западноевропейском ученом мире сведений об Арале до времени Петра I подтверждается авторитетным исследованием Л. С. Берга.

В то же время русские материалы XVII в. допетровского времени содержат определенные указания на Аральское море. В книге Большого чертежа Арал упоминается неоднократно, например, «...а от Хвалижского моря до Синего моря на летний на солнечный восход прямо 250 верст. А Синим морем до усть реки Сыра 280 (250) верст. А в Синем море вода солона...» При описании Самарской губ. сказано: «...а от верху Бузувлука то все Больших Нагаев кочевья до Синего моря 1350 верст». Под Синим морем надо подразумевать Аральское.

В. Н. Татищев сообщает в своей «Истории Российской», что при царе Борисе Годунове была довольно искусно сделана «ландкарта», на которой «много о восточных Татарах показа-

¹ Л. С. Берг. Аральское море. Опыт физико-географической монографии (гл. I). СПб., 1908 (Изв. Туркест. отд. Русск. геогр. об-ва, т. 5), стр. 1—110.

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 35.

Фиг. 17. Часть карты Витсена 1687 г. (по копии Идеса 1704 г.)

но, чего до сих пор ни в одной иностранной не находилось, особенно Бухария и море Аральское, его же Синим именуют, порядочно внесены». ¹

Витсен, пользовавшийся для своей карты 1687 г. русскими источниками, поместил на ней Аральское море под названием «Море Синое» (т. е. море синее). Как видно из прилагаемой копии этой карты, оно очень мало по размеру. С востока в него впадает, по видимому, Сыр-Дарья. В Каспий течет Оксус (Аму-Дарья), носящая выше Балха имя «Gichan» (Джейхун) (см. фиг. 17). ²

В Атласе Сибири С. Ремезова, составленном при Петре I (работа была закончена в 1701 г.), но, как уже отмечалось, по характеру и технике его «чертежей» относящемся к допетровскому времени, Арал помещен неоднократно, в частности, на «чертеже земли всей безводной и малопроездной каменной степи», составленном в 1697 г. В Аральское море с востока впадают несколько рек, в том числе Яик, Емба (Эмба), Амун-Дарья (Аму-Дарья) и Сырт (Сыр-Дарья), текущие почти параллельно друг другу и имеющие истоки: Аму-Дарья — недалеко от моря Тенгры (оз. Балхаш), а Сыр-Дарья — от несуществующего в действительности «Моря Далаинор». Но на «чертеже всех сибирских градов и земель» (сделан в Москве по указу 20 октября 1698 г.), где показано Аральское море, (фиг. 18), Эмба течет уже более правильно — в Каспий. Таковы были к исходу XVII в. наиболее точные русские карты, содержащие данные об Аральском море.

Экспедиции Бековича-Черкасского принесли новые важнейшие факты. Они подтвердили наличие старого русла Аму-Дарьи (Узбоя), проложенного к Каспию, и в то же время доказали, что Аму-Дарья и Сыр-Дарья, изображаемые на всех западноевропейских картах текущими в Каспийское море, не впадают в него.

Карту Каспия, посланную Петром I в 1721 г. Г. Делилю, последний, как это уже указывалось ранее, опубликовал (в 1723 г.). На ней в западноевропейской картографии «впервые после Птолемея Аму-Дарья не значится в числе его притоков». ³

К петровскому времени надо отнести также и рукописную карту Каспийского и Аральского морей, о которой уже упоминалось ранее (хранящуюся в Библиотеке Академии Наук

¹ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен..., кн. 1, ч. II. М., 1769, стр. 506—507.

² Опубликована В. Кордтом. Материалы по истории русской картографии, 2-я серия, вып. 1. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, 1906.

³ Л. С. Берг. Там же, стр. 45.

Fig. 18. Часть «Чертежа всех Сибирских градов и Земель» из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. (Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, № 346)

под № 3373). «Карта несет на себе признаки большой архаичности: север внизу, юг вверх. Есть параллели, но меридианов нет... Восточный и северный берега Каспийского моря — точная копия вышеупомянутой карты Бековича-Черкасского 1715 г., на которой изображены только эти места Каспия. Западный и частью южный берег не похожи ни на карту Вердена 1720 г., ни на карту Соймонова 1731 г. На нашей карте № 3373 «Море Аралское» изображено для того времени удивительно хорошо. В него впадают реки Аму-Дарья и Сыр-Дарья. От дельты Аму-Дарьи к Балханскому заливу ведет сухой проток, начинающийся у плотины Каракачи. Над протоком в его нижней части надписано: «прежнее устье Амударьи реки». В левом нижнем углу карты читаем: «от прежнего устья аму дарьи реки до плотины каракачи, где оная река запружена, ходу 12 дней, а от плотины каракачи до моря аральского 2 дни, догорода хивинского юргент от плотины 1 день...»¹ (см. фиг. 14).

Л. С. Берг полагает, что эта карта, автор которой неизвестен, была составлена не позже 1723 г., но не ранее 1718 г.,² и называет ее картой «около 1723 года».

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

Огромное значение имеют работы по картографическому изображению северо-востока Азии, явившиеся результатом русских исследований этих территорий и составившие эпоху в истории географии и картографии.

Укажем кратко на главные этапы развития картографических представлений о Чукотском полуострове, Камчатке и Курильских островах. Эти области русского Дальнего Востока привлекали в то время, как уже указывалось ранее, особое внимание. Походы Атласова, Козыревского, Анциферова, П. Попова и некоторых других служилых людей принесли очень важные географические открытия и значительное уточнение картографических изображений указанных территорий.

Остановимся прежде всего на Камчатке. В результате похода Атласова в 1697—1699 гг. она впервые стала изображаться в виде полуострова, вместо тех неясных намеков, которые имелись до того в русских чертежах второй половины XVII в.

¹ Л. С. Берг. Две карты Аральского моря первой половины XVIII века.— Изв. Гос. геогр. об-ва, 1939, т. 71, вып. 10, стр. 1481. Плотина Каракачи — самый западный рукав Аму-Дарьи.

² Там же, стр. 1482.

На «чертеже земли Якуцкого города» в «Чертежной книге Сибири» 1701 г. С. Ремезова Камчатка вообще отсутствует. Есть лишь река того же наименования. На «чертеже всех сибирских градов и земель», составленном С. Ремезовым в 1698 г. в Москве, кроме р. Камчатки, текущей с материка в океан, показан против устья р. Удь довольно значительный «остров Камчатка» (фиг. 19).

Как уже отмечалось, «Чертежная книга Сибири», оконченная С. Ремезовым к 1701 г., по своему характеру является в целом трудом, подводящим итоги развития русской картографии XVII в. допетровского времени. Но картографические работы С. Ремезова не оканчивались этим атласом. Как это отмечено А. И. Андреевым, единственный известный до того рукописный экземпляр «Чертежной книги Сибири» является не подлинником, а плохой копией «Служебной чертежной книги» Семена Ульяновича Ремезова.¹

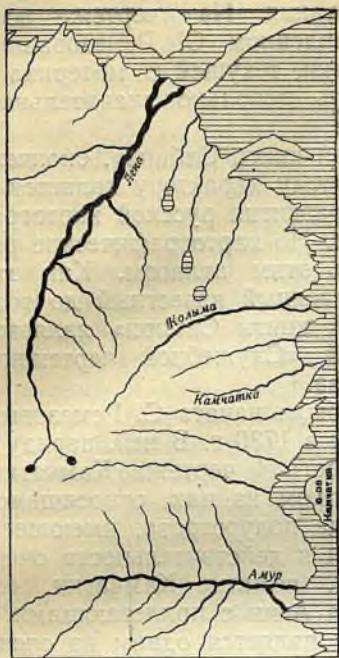
«Служебная чертежная книга» была начата С. Ремезовым в 1699 г. и окончена его сыновьями в 1730 г. В ней, наряду с другими подлинными чертежами, есть 4 чертежа Камчатки, выполненные С. Ремезовым. На одном из них, относящемся к 1713 г., мы видим ее уже в виде полуострова, имеющего, хотя и грубые, но приближающиеся к действительности очертания (см. фиг. 19). Чертеж этот, помимо Камчатки, содержит изображение северо-востока Азии с прилегающими к нему островами Тихого океана. Он является одним из очень важных этапов в развитии мировых картографических представлений об этом районе. По мнению А. И. Андреева,² С. Ремезову были известны сообщения Козыревского и три его чертежа 1711—1713 гг., о которых имеются сведения. В частности, «...третий чертеж Козыревского 1713 г., несомненно, был использован С. У. Ремезовым для своего нового чертежа Камчатки». А. В. Ефимов, впервые давший анализ этой карты, утверждает, что в основу ее лег чертеж Козыревского. Но «единственно возможной датировкой для данного чертежа является 1712 г.»³

Всего вероятнее, что рассматриваемый чертеж Камчатки, выполненный С. Ремезовым, является результатом использования не одного какого-либо чертежа Козыревского, а тех его текстовых и картографических материалов, которые были

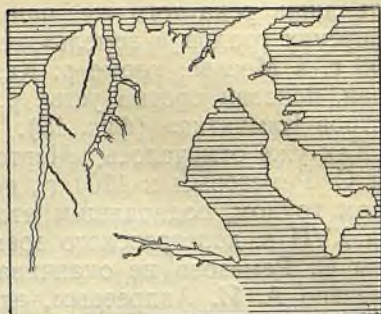
¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII века. Л., 1940, стр. 81.

² Вступительная статья А. И. Андреева в сб. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». Под ред. А. И. Андреева. М., Географиз, 1948.

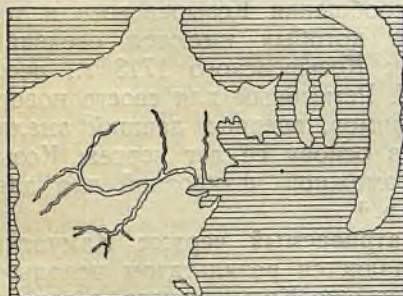
³ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948, стр. 87.

„Чертеж всех сибирских городов и земель“ из
Чертальной Книги Сибири 1701 г.
С. Ремезова

Якутская карта 1710-1711 гг.

Карта Ивана Львова (год не установлен, но не раньше
1710-1716 гг.)

Служебная Чертальная Книга Сибири
С. Ремезова, 1713-1716 гг.

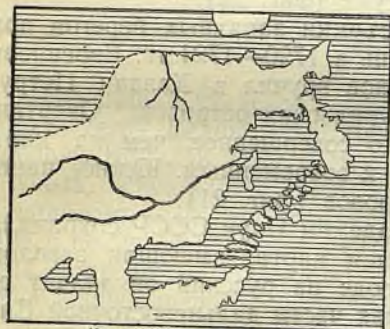
Фиг. 19. Схема развития картографических изображений се

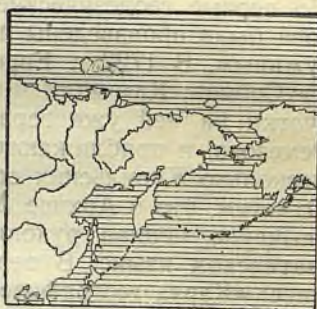
Карта Скобельцина, 20-е годы XVIII века

Карта И. Еремеева, 1722 г.

Карта И. К. Кириллова, 1724 г.

Современная карта северо-востока Азии, 1947 г.

веро-востока Азии на русских картах петровского времени

знакомы С. Ремезову, а также и некоторых других, в том числе и представленных Атласовым. Для нашей темы это не имеет существенного значения. Важно отметить лишь то, что карта северо-востока Азии (как ее правильное всего называть), составленная С. Ремезовым, основана исключительно на русских исследованиях и чертежах, выполненных непосредственными участниками путешествий, совершенных ими в петровское время. Таким образом, они представляют дальнейший, по сравнению с допетровским временем, этап развития русских картографических представлений о северо-востоке Азии.

Изображение Камчатки встречалось и в рукописных картах, находящихся среди рукописей Мессершмидта, хранящихся в Архиве Академии Наук. Одно из них обнаруживает «...некоторое общее сходство с ремезовским чертежом Камчатки».¹

А. В. Ефимовым опубликована очень интересная рукописная «Карта мест от реки Енисея до Камчатки лежащих», или, как он ее называет, «Якутская карта 1710—1711 гг.», на которой в виде полуострова, резко утолщенного и раздвоенного на юге, изображена Камчатка. Она сделана Федором Бетоном (Бейтоном), бывшим впоследствии «земским комиссаром Селенгинского дистрикту»² (фиг. 20).

Но первые геодезические съемки западных берегов полуострова были произведены лишь в 1720—1721 гг. Евреиновым и Лужиным. В 1722 г. Евреинов вручил в Казани Петру I карту Сибири, Камчатки и Курильских островов.³ Очертания Камчатки на ней уже гораздо совершеннее, чем на картах С. Ремезова, и приближаются к современным. Южнее нанесено несколько Курильских островов (фиг. 21).

Отметим, что в Архиве Академии Наук СССР сохранилась чрезвычайно ценная рукописная карта, имеющая заголовок на латинском языке. В переводе на русский он значит следующее: «Карта географическая части дальневосточной Сибири и Татарии, а также новых земель Камчатки и Японских островов, на основании карты геодезистов Ивана Евреинова и Федора Лужина, посланных Петром I в 1719 г. для исследования вопроса о том, соприкасается ли Азия с Америкой, и

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 79.

² А. В. Ефимов. Там же, после стр. 96. Ссылка на ЦГАДА. Библ. Моск. Главн. архива Мин. иностр. дел. СПб., Карта Иркутской губ. № 29.

³ Подлинник ее, считавшийся утерянным, найден В. Н. Шумиловым в 1945 г. в Центр. Гос. архиве древних актов, разр. IX, отд. I, № 66, табл. 21. Впервые опубликован А. И. Андреевым в книге «Русские географические открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке», под ред. и с вступ. статьей А. И. Андреева. М., Географгиз, 1948.

Фиг. 20. Якутская карта 1710—1711 гг. (Опубликована А. В. Ефимовым)

на основании Китайской карты, присланной императором Кашхи Петру Великому». ¹ Ее составил в 1724 г. Иван Кириллович Кирилов (фиг. 22).

Карта, исполненная таким крупнейшим специалистом, как бы подводит итог картографическим представлениям о Камчатке в конце петровского времени. Как видим, внешние очертания полуострова близки к действительным. Грубее всего изображение северной части Японии, очевидно, и составленное по китайской карте, на которую ссылается И. К. Кирилов. Впоследствии И. К. Кирилов внес в карту 1724 г. дополнения на основании бесед в 1726 г. с якутским головой Шестаковым. ²

Эпизод этот чрезвычайно интересен для нас и в другом отношении. Дело в том, что приехавший в 1726 г. в Петербург

¹ В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии Наук XVIII века. М.—Л., 1946, прил. II, § 117, стр. 290.

² О так называемой «Карте Шестакова» см. статью А. И. Андреева «Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII века». — Изв. Всес. геогр. об-ва, 1943, т. 75, вып. 3, стр. 39.

из Якутска казачий голова Афанасий Шестаков, показывал там карту Северо-Восточной Сибири, на которой были нанесены и Камчатка с Курильскими островами. Рассказы А. Шестакова и предъявленная им карта обратили на себя большое внимание. В Петербурге находилось в обращении несколько подобных, так называемых шестаковских карт. Но сам Афанасий Шестаков был безграмотным, невежественным человеком. Более того, по свидетельству А. Сгибнева, он не только не умел читать и писать, но и ненавидел грамотных людей, стараясь избавиться от них в экспедиции, которую ему разрешили вскоре возглавить.¹ Бесспорно, карта была исполнена не им и является доказательством составления в провинции того времени подобных весьма ценных «чертежей», охватывающих крайний северо-восток Сибири, не дошедших до нашего времени.

Приводимая выше в качестве иллюстрации схема важнейших картографических изображений Камчатки и северо-востока Азии к началу и концу петровского периода (фиг. 19) достаточно наглядно говорит о достижениях в этой области русской картографии.

Карты Камчатки, появившиеся за границей в первые десятилетия XVIII в., изготовлены также на основании русских источников. К таковым относится, например, карта Сибири пленного шведского офицера Табберта, исполненная им в 1715 г. всецело по русским материалам и опубликованная в 1730 г.

В Атласе Гомана, изданном в 1725 г. в Нюрнберге, на одной из карт, воспроизведенной в его же Атласе 1759 г. и также составленной по русским источникам,² нанесены: слева Каспийское море, а справа «Камчатка или Земля Иездо». На восток от нее, отделенная очень узким проливом, показана безымянная огромная земля. Весьма возможно, что мы здесь имеем изображение острова Беринга в сильно преувеличенном виде. На северо-востоке — очертания Чукотского полуострова, против которого показана крупная неограниченная полоса земли. Бесспорно, это Аляска (фиг. 23).

Русские еще и до Петра I имели некоторые сведения об этой части американского материка. Во время царствования Петра I эти сведения, как это уже отмечалось, были

¹ А. Сгибнев. Материалы для истории Камчатки. (Экспедиция Шестакова). — Морской сборник, 1869, т. 100, № 2, стр. 8.

² Вопрос о конкретных источниках, положенных в основание этой карты в части, касающейся Камчатки, еще не решен полностью. Для нас важно, что все исследователи (А. И. Андреев, Л. С. Берг, А. В. Ефимов и др.) считают бесспорным их чисто русское происхождение.

Fig. 21. Карта Камчатки и Курильских островов, составленная геодезистом И. Евриновым, 1722 г.

пополнены. Но все же на русских картах первого 25-летия XVIII в. не встречается сколько-нибудь похожих на действительность изображений Аляски.

Следующим значительным достижением петровской картографии является появление на картах Курил, картирование которых было начато Козыревским, а затем значительно уточнено Евреиновым и Лужиним (см. раздел об открытиях). Правда, изображение их еще очень несовершенно. Однако общий характер островов, тянувшихся цепью до Японии, передан уже достаточно реально (см. схему картографических изображений северо-востока Азии на фиг. 19). Это — результат исследований, проведенных русскими в течение первой четверти XVIII в.

Точно так же первые в мире приближающиеся к действительности изображения Чукотского полуострова появились именно в России в петровское время.

Помимо широко известных карт С. Ремезова и И. Кирилова, содержащих изображение Чукотки, А. В. Ефимовым опубликована ценная «Карта Якутского дворянина (сына боярского) Ивана Львова, переданная им Герарду Миллеру в Якутске в 1736 г...»¹ (фиг. 24). На ней содержится уже много подробностей об этой северо-восточной оконечности Азии и противулежащих ей островах. На самом востоке огромная, не ограниченная с севера и востока земля — бесспорно Аляска. Север Чукотского полуострова также не ограничен и, следовательно, оставляет нерешенным вопрос о проливе между Аляской и Чукоткой.

В заключение кратко остановимся еще на одном моменте. Мы видели, что уже в XVII в. у многих русских людей, практически связанных с сибирскими делами, господствовало убеждение в наличии северного морского пути в Китай и Индию. Это убеждение отражено и в письменных документах, и в некоторых картографических изображениях — чертежах. Вспомним хотя бы чертеж П. И. Годунова 1667 г. Все же вопрос о проливе между Азией и Америкой, как уже указывалось, не был окончательно выяснен и при Петре I. Поэтому и относящиеся к данному времени карты, содержащие изображение северо-востока Азии, трактуют его по-разному.

Картографические работы С. Ремезова, хотя и сделанные им при жизни Петра I, но являющиеся по характеру своего выполнения как бы завершением русской картографии

¹ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948. После стр. 98. Ссылка на ЦГАДА. Библ. Моск. Главн. архива Мин. иностр. дел по реестру географ. атласам. СПб., 1877, карта Иркутской губ. № 26.

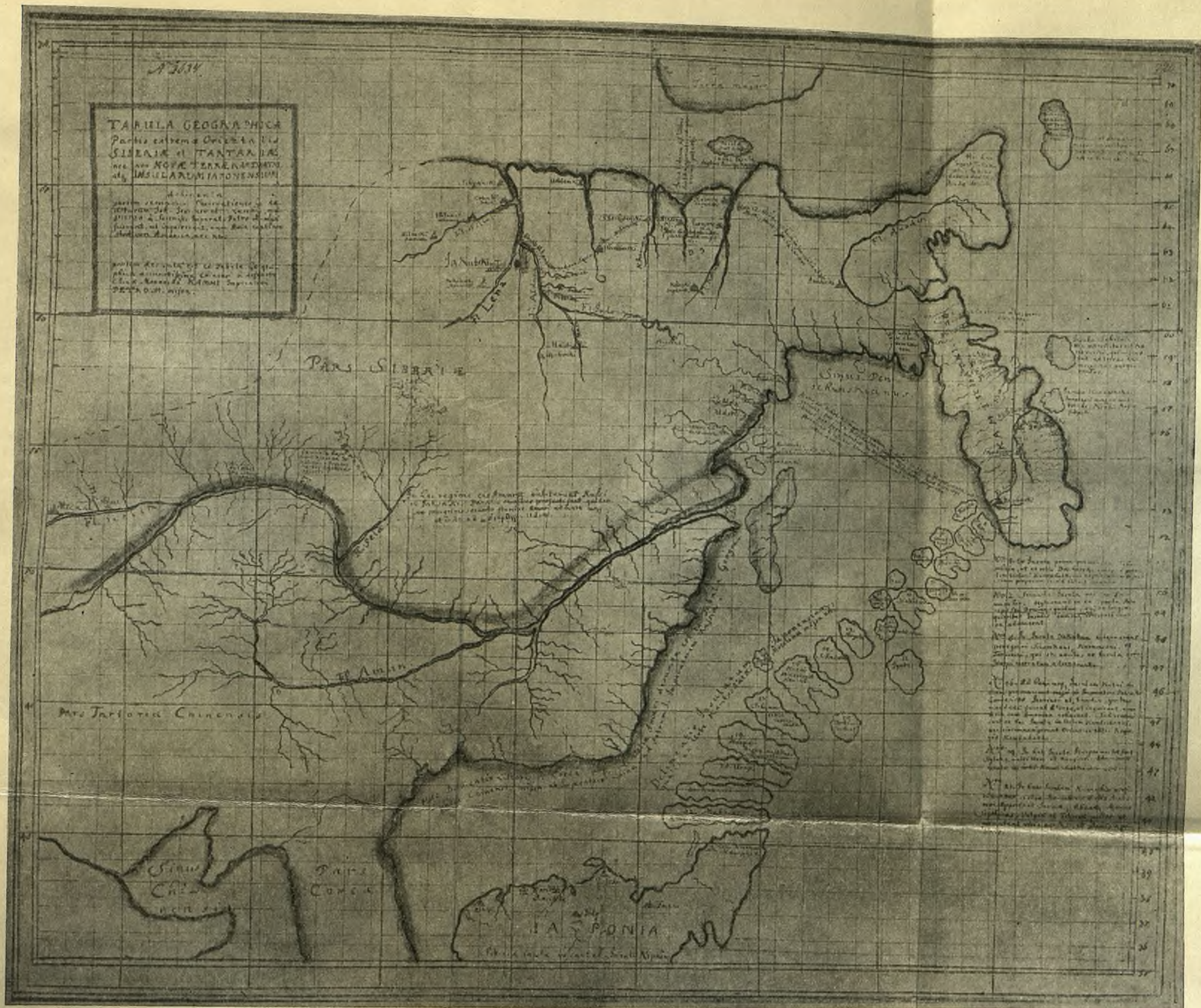
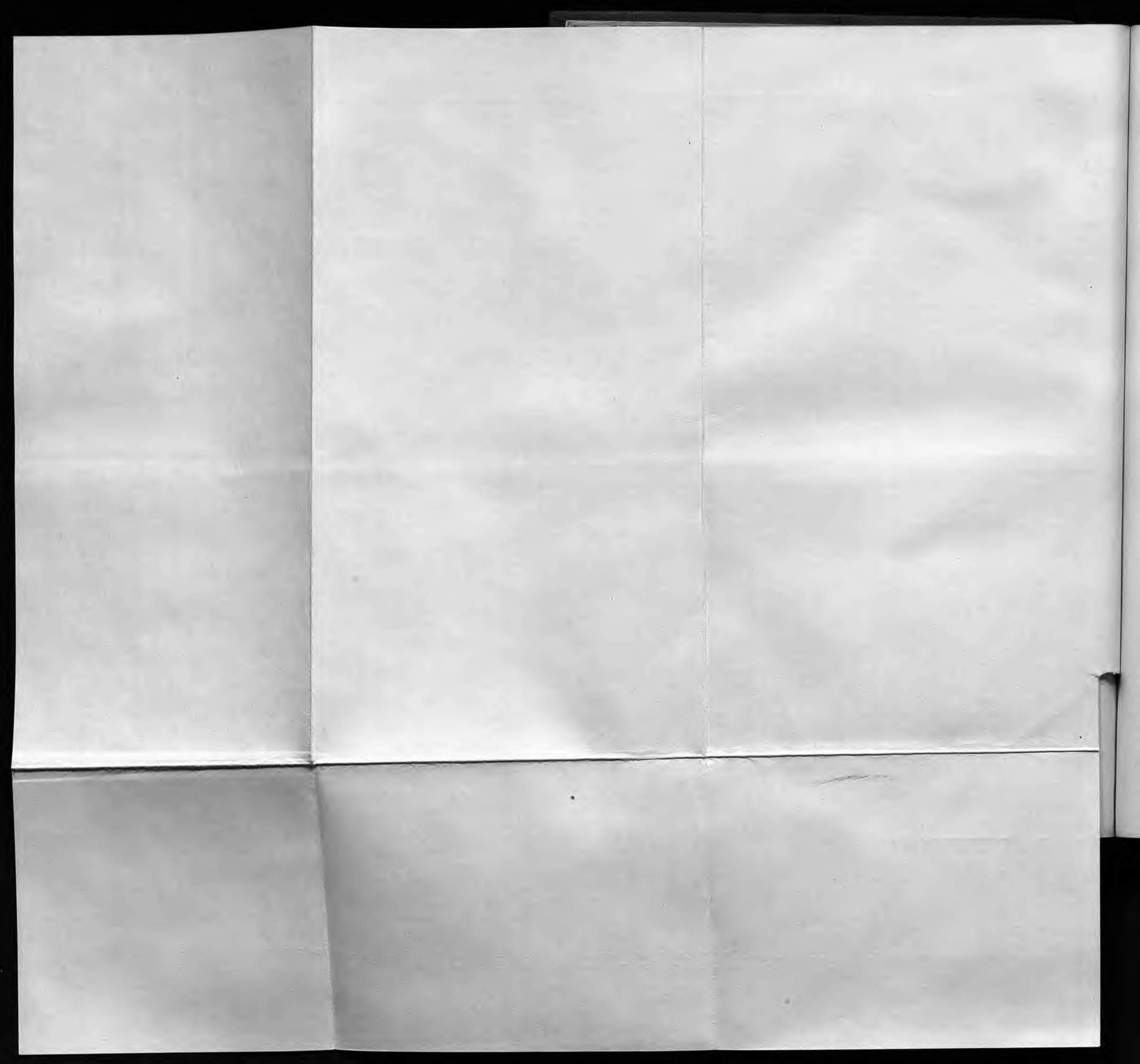

Fig. 22. Рукописная карта Восточной Сибири, Татарии, Камчатки и Японских островов, составленная И. К. Кириловым. (Опубликована в книге В. Ф. Гнучевой «Географический департамент Академии Наук XVIII в.», М.—Л., 1946).

Фиг. 23. Карта Гомана 1725 г., воспроизведенная им же в 1759 г.

допетровского времени, отражают характерные колебания в этом вопросе, свойственные XVII — началу XVIII в.

На «чертеже всех Сибирских градов и земель», составленном в 1698 г. и помещенном в «Чертежной книге Сибири», С. Ремезовым изображен на северо-востоке не ограниченный мыс, уходящий узкой полосой в море.

На чертеже Камчатки, Курильских и Японских островов 1713—1715 гг., имеющемся в «Служебной чертежной книге» того же С. Ремезова, совершенно четко показан свободный морской путь вокруг Чукотки. Более того, все побережье Северного Ледовитого океана, нанесенное на карту и простирающееся на запад далее Колымы, не имеет никакого «необходимого» носа.

Но, как правильно подчеркнул А. В. Ефимов,¹ впечатление о том, что С. Ремезов пришел к окончательному убеждению о наличии морского прохода вокруг северо-востока Азии, не имеет под собою достаточной основы. В имеющемся на предыдущем 95-м листе той же «Служебной чертежной книги» «доезде», т. е. описании к этой самой карте, сказано: «А с вершины реки Анадырской нос непроходимой в море, а конца у него не ведают».

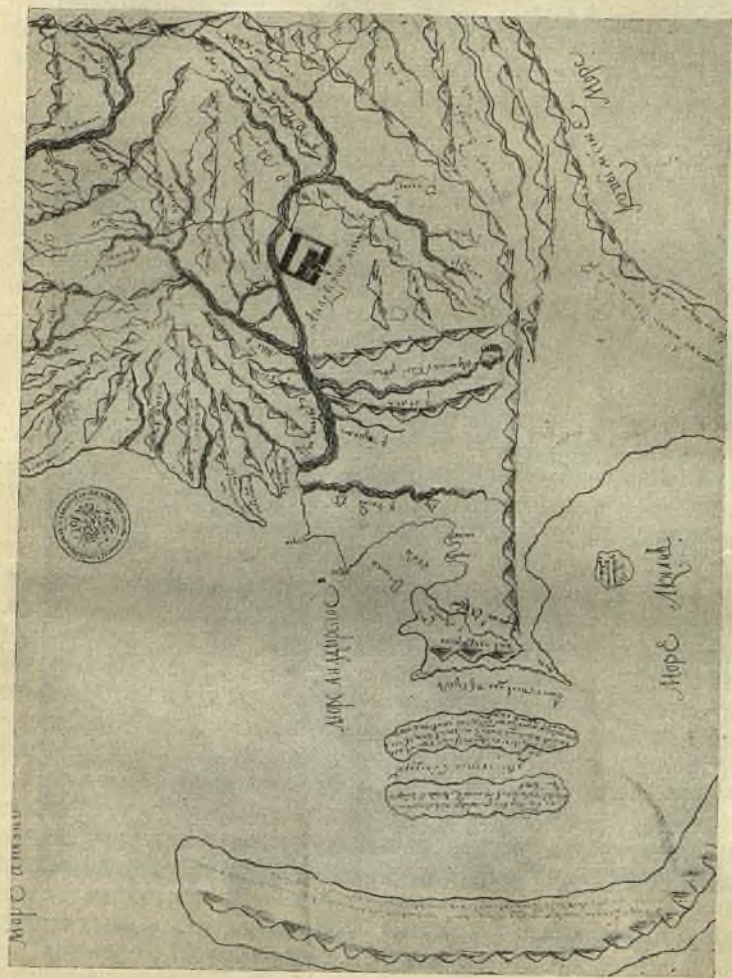
Приведем еще несколько примеров карт, составленных другими лицами. На «Якутской карте» 1710—1711 гг. и на карте Львова север Чукотки не ограничен. Карта морского берега от устья р. Оленека до Пенжинского залива, сочиненная Скобельцыным с товарищами в 20-х годах XVIII в.,² показывает не ограниченным юго-восток Чукотского полуострова (фиг. 25).

На рукописной карте Восточной Сибири, Татарии, Камчатки и Японских островов, составленной, как указывалось, в 1724 г. И. К. Кириловым, картографические труды которого являются завершением достижений русской картографии петровского времени (см. дальше), на севере против р. Колымы имеется неизвестная «terra major» («Большая Земля»). Но морской путь, начиная несколько западнее Лены и вплоть до Камчатки и Охотского моря, совершенно свободен (см. схему картографических изображений северо-востока Азии, фиг. 19).

Таковы основные черты развития картографии в петровское время. Как видим, помимо обширных работ по организации и научной постановке геодезического и картографического дела, увеличения объемов исследований, надо отметить также

¹ А. В. Ефимов. Там же, стр. 71—72.

² Там же, стр. 105. Ссылка на ЦГАДА. По реестру библ. Моск. Главн. архива Мин. иностр. дел. СПб., 1877. Карты Иркутской губ.

Фиг. 24. Карта И. Львова. (Опубликована А. В. Ефимовым)

Фиг. 25. Часть карты Скобельцына с товарищами, 20-е годы XVIII в.
(Опубликована А. В. Ефимовым)

и другую географическую направленность петровской картографии, сравнительно с XVII в.

XVII в. принес России, а через нее и западноевропейской географической науке великие открытия в Сибири. В результате их в течение столетия были составлены «чертежи», охва-

тывавшие многие миллионы километров этой обширной страны.

В петровское время в области картографических достижений выдвигается на первый план (по их значению для развития картографической науки) изучение Каспийского и Аральского морей с прилегающими к ним территориями, затем — картирование ряда областей Европейской России, особенно важных с точки зрения общих проводимых Петром I хозяйственных и военных мероприятий.

Не меньшее значение имели и исследования, проведенные в северо-восточных и восточных окраинах Сибири, а также экспедиции в прилегающих к ним водах Северного Ледовитого и Тихого океанов. В результате их впервые в истории географической науки появились приближающиеся к действительности картографические изображения северо-востока Азиатского материка, составленные русскими исследователями и картографами.

АТЛАС КИРИЛОВА

При рассмотрении картографии петровского времени нельзя хотя бы кратко не коснуться «Атласа Всероссийской империи», составленного выходцем из народных «низов» Иваном Кирилловичем Кириловым.

Правда, его основные труды в области картографии относятся к 1726—1734 гг., т. е. уже ко времени, следующему непосредственно за смертью Петра I. Но и до 1725 г. И. Кирилов многое сделал в области развития картографии в России. Вспомним хотя бы указанную ранее карту Восточной Сибири, Камчатки и Курил, составленную в 1724 г., или опубликованные в 1722 г. карты русско-шведской границы и Выборгского уезда. Не касаясь других многочисленных картографических работ И. Кирилова, остановимся на его Атласе России.

Как «Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова 1701 г., сделанная им уже в царствование Петра I, являлась завершением всего предыдущего периода в истории русской картографии, так и «Атлас Всероссийской империи» Ивана Кирилова представляет собой результат не только работ всей жизни его автора, но и всего процесса развития картографии петровского времени. Неправильно называть И. Кирилова, как это впервые сделал Г. Ф. Миллер, «любителем наук» или одаренным самоучкой, лишенным, однако, необходимых знаний и т. п. И. Кирилов являлся одним из крупнейших географов, статистиков и экономистов своего времени. Доказательством того, что он был настоящим ученым, служат не только его картографические работы, но и известное сочинение: «Цветущее

состояние Всероссийского государства...»,¹ значение которого будет рассмотрено в конце настоящей книги. Пока же остановимся в самых общих чертах на роли И. Кирилова как картографа.

Иван Кириллович Кирилов родился в 1669 г. В 1712 г. он попал в Москву и стал подъячим сначала Поместного приказа, а потом Сената. Так началась служебная карьера будущего секретаря Сената. «В феврале 1719 г. подъячий канцелярии Сената И. Кирилов был назначен канцеляристом приказного стола Сената»,² а затем регистратором.

Указ Сената 15 марта 1720 г. гласил: «...быть регистратором ис канцеляристов Ивану Кирилову, которому и приказной стол управлять обще с канцеляристом Федором Нероновым во всем по должностям своим, как о том в Генеральном регламенте изображено».³

С этих пор, и чем дальше, тем более активно, И. Кирилов работал над собиранием ландкарт, поступавших в Сенат от командированных геодезистов, а затем и над составлением Генеральной российской ландкарты и Атласа империи. Он оставался на службе в Сенате до 1734 г., достигнув должности его обер-секретаря.

В результате напряженной работы им был в 1734 г. спешно (в связи с отъездом из Петербурга в качестве главы «Оренбургской экспедиции») опубликован первый выпуск его знаменитого труда, так и оставшегося незаконченным: «Атлас Всероссийской империи, в котором все ее царства, губернии, провинции, уезды и границы, сколько возмогли российские геодезисты описать оныя и в ландкарты положить, по длине и широте точно изъявляются и города, пригороды, монастыри, слободы, села, деревни, заводы, мельницы, реки, моря, озера, знатные горы, леса, болота, большие дороги и протчая, со всяким прилежанием исследованные, российскими и латинскими именами подписаны имеются. Вес сей Атлас разделен будет в три тома и будет содержать в себе всех на все 360 карт, ежели время и случай все оные собрать и грьдором напечатать допустят. Длины начало свое имеют от первого меридиана, чрез остров Дагдан и Эзель проведенного, кончаются в земле Камчатке, так что Империя Российская

¹ И. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, в какоево начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. М., 1831.

² А. И. Андреев. Экспедиции на Восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века).— Труды Историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1946, стр. 184.

³ Н. А. Воскресенский. Законодательные меры Петра I, т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.—Л., 1945, стр. 236.

более 130 градусов простирается, которых весь земной глобус 360 в себе содержит». Как видим, намеченный И. К. Кириловым план был грандиозен и свидетельствовал о необычайной широте и ясности взглядов автора — горячего патриота, стремившегося поднять самостоятельное развитие русской картографии на более высокую ступень.

И. К. Кирилов предполагал «приобщить» к третьему тому исторические, а также и экономические карты «о городах древних же и новых и о народах, о довольствах к житию человеческому их коммерции».

Такова широта мысли, вложенной И. Кириловым в свой, к сожалению, незавершенный труд (И. Кирилов умер в 1737 г.). Опубликованный первый выпуск Атласа явился крупнейшим событием в истории картографии. Он содержал Генеральную карту (фиг. 26) и 14 карт отдельных областей, выполненных в конической проекции.

Как известно, основным недостатком этого Атласа является то, что его Генеральная карта в целом раздвинута по долготе примерно на 7—8°, особенно в восточных ее частях. Но вспомним, что первая карта гравирована в 1726 г. «Нужно даже удивляться, что ошибка эта не вышла больше», — замечает О. В. Струве, считающий, что «в точности нанесения подробностей карта Кирилова едва ли уступает академической, доказательством чему служит между прочим... более точное изображение Каспийского моря, а также относительное положение Аральского моря. Из всего видно, что Кирилов везде старался пользоваться лучшими доступными ему источниками».¹

Меньшая точность изображения побережий Северного Ледовитого океана сравнительно с Атласом 1745 г. объясняется тем, что более совершенные сведения о нем были собраны позднее. Что же касается принятия И. Кириловым в его Генеральной карте в качестве начального меридиана — меридиана, проходящего через г. Аренсбург на острове Эзеле, самом западном городе всей Российской империи того времени, что давало возможность отсчитывать все долготы в одном направлении, то надо признать, что он поступил очень остроумно.

Генеральная карта Российской империи, помещенная в Атласе И. Кирилова, представляла для своего времени особую ценность в части, касающейся Азиатской России

¹ О. В. Струве. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии в России. — Зап. Акад. Наук, т. 21, кн. 1. СПб., 1872. Академическая карта, упоминаемая им, — карта Атласа 1745 г. Академии Наук.

(фиг. 26). Изображение Сибири, данное в ней, несравненно детальнее и совершеннее, чем в первом русском атласе — «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова.

Интересно отметить, что И. Кирилов вносил исправления в Генеральную карту очень незадолго до ее гравирования и отпечатания. Это можно видеть из сличения печатной карты 1734 г. с рукописной картой «Imperii Russici. Tabula generalis», составленной в 1733 г., хранящейся в рукописном отделе Библиотеки Академии Наук под № 312 и мало привлекавшей внимание исследователей (фиг. 26а). В левом нижнем углу карты имеется характерная надпись: «Прошу на меди надписи против сего резать с тою переправкою, как на другой карте учинено. Иван Кирилов августа 21 1733».

И, действительно, начертания некоторых надписей на рукописной и печатной Генеральной карте не совсем одинаковы. Так, например, в рукописной Колыма названа «Kolyma», а в печатной — «Kovima», т. е. согласно тому произношению, какое часто придавалось этой реке в то время, — К о в ы м а.

Но дело не только в этом. Имеются изменения и по существу изображаемых географических объектов. Правда, за исключением одного, о котором ниже будет сказано подробнее, они незначительны.

Для примера можно привести изображение (и совершенно напрасное) несуществующего в действительности острова южнее Сахалина — «i. Medweschei» (Медвежий о-в) на печатной Генеральной карте 1734 г. На рукописной карте 1733 г. его нет.

Но наиболее интересные изменения были внесены в печатную карту по отношению к Аральскому морю (см. схемы изображений, фиг. 27 и 27а). На рукописной карте оно вычерчено совершенно неправильно, вытянутым с запада на восток.

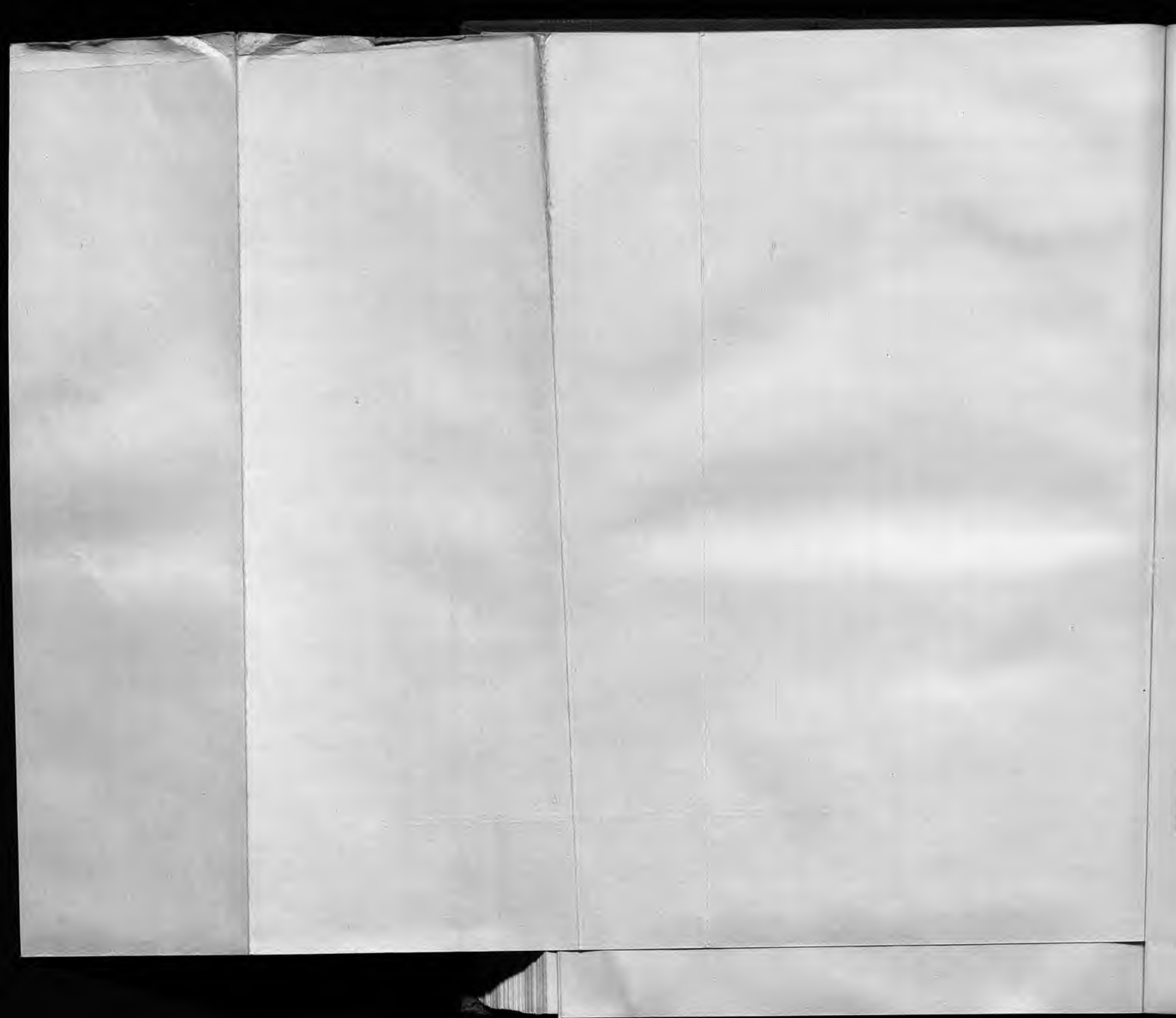
В северо-западную часть его впадает довольно большая безымянная река, реально не существующая. В опубликованной лишь несколько месяцев спустя Генеральной карте 1734 г. контуры Арала значительно правильнее. На обеих картах намечено древнее русло Аму-Дарьи — Узбой.

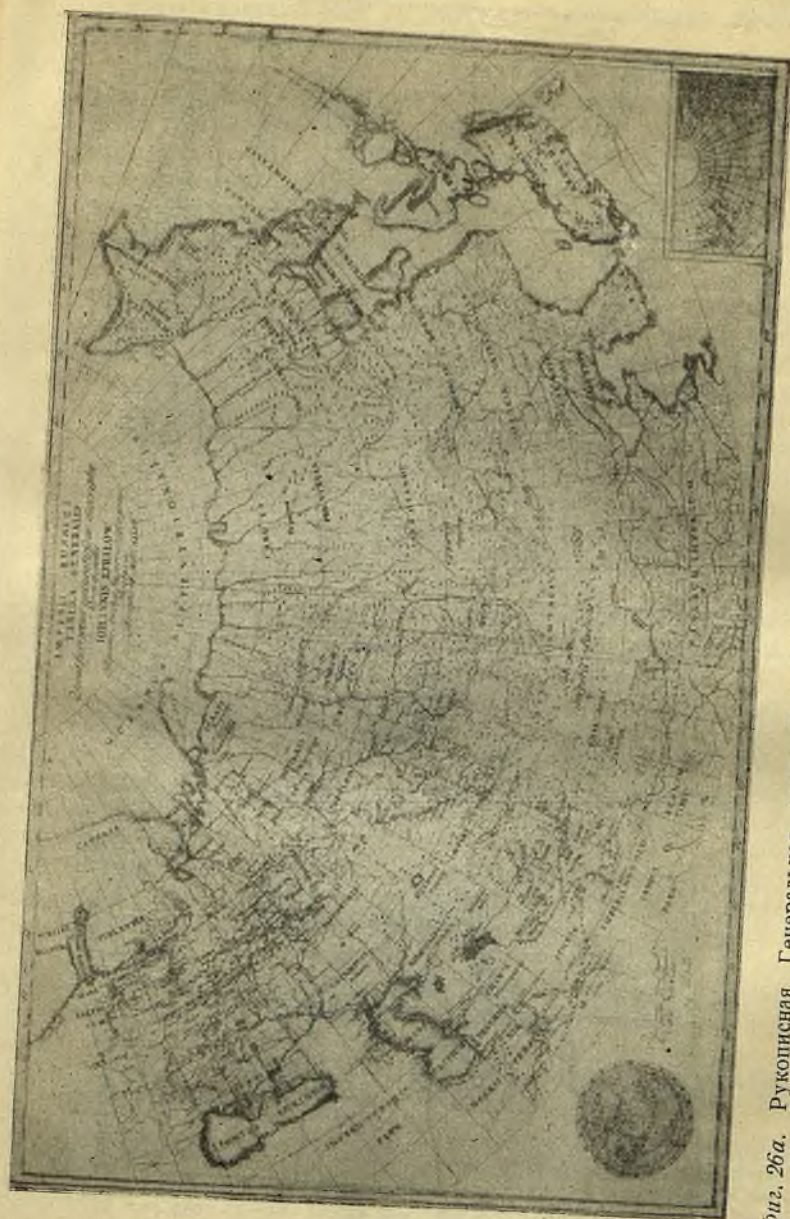
Отметим, что наиболее совершенное изображение Аральского моря было дано русским неизвестным картографом приблизительно за 10 лет до составления И. Кириловым Генеральной карты России.

Таким образом, приходится констатировать весьма крупные расхождения в представлении об Аральском море, имевшиеся у русских картографов на протяжении петровского времени и ближайших к нему лет.

Фиг. 26. Генеральная карта Российской империи И. К. Кирилова 1734 г.

Фиг. 26а. Рукописная Генеральная карта Российской империи И. К. Кирилова 1733 г. (Рукописный отдел Библиотеки АН СССР, № 312)

Фиг. 27а. Схема очертаний Аральского моря на Генеральной карте Российской империи И. К. Кирилова 1734 г.

Фиг. 27. Схема очертаний Аральского моря на Генеральной карте Российской империи И. К. Кирилова 1733 г.

Возвращаясь к Атласу И. К. Кирилова 1734 г., укажем, что его внешний вид не уступает большинству лучших зарубежных изданий того времени.

Явившись предшественником академического Атласа 1745 г., он использовался в России много спустя после выхода в свет последнего, а также послужил источником сведений для ряда картографических работ в Западной Европе. В частности, его Генеральная карта воспроизводилась, как это отметил М. С. Боднарский,¹ в географических атласах, издававшихся известной фирмой Гомана в Нюрнберге.

В настоящем разделе уже неоднократно указывалось на использование западноевропейскими учеными русских картографических работ петровского времени. Еще в самом начале его некоторые внимательные и добросовестные иностранные наблюдатели отмечали, с одной стороны, большие успехи, достигнутые русской картографией в самом конце XVII в., а с другой — несовершенство западноевропейских карт, касающихся России. Так, в вышедшей в Петербурге в 1787 г. работе Ф. Туманского приводится любопытнейшее «письмо дворянина, имевшего обхождение с российскими послами, бывшими в Голландии, о состоянии Российской империи в 1699 году».²

Следует отметить, что в нем говорится о самом конце XVII в., т. е. о времени, когда реформаторская деятельность Петра I, по существу, еще только начиналась.

Указывая на то, что на европейских картах Азов значится под 51° с. ш.,³ в то время как на русских и турецких под 47° с. ш., автор делает следующее заключение: «Я могу вас только в том уверить, что Россияне, почитаемые вообще незнающими и непросвещенными людьми, сочинили весьма исправные ландкарты своего государства (разрядка моя.— Д. Л.), из коих некоторые я видел сам; они почитают наши ландкарты о их земле весьма несовершенными». И, действительно, карты, касающиеся России и появившиеся во множестве за границей, часто отличались большими ошибками и значительно отставали от русских, как, например, это отмечалось уже для северо-востока Азии.

¹ М. Боднарский. Первые русские географические атласы. (Историко-географический очерк).— Землеведение. М.— Л., 1932, т. 34, вып. 1—2, стр. 104.

² «Собрание записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях г-ря им. Петра Великого, изданное трудами и иждивением Феодора Туманского, часть первая, во граде Святого Петра 1787 г.», стр. 12—13. (Речь идет об иностранце-дворянине, жившем в Голландии и общавшемся с русскими послами).

³ Положение Азова на русских картах определено почти точно, на европейских же допускалась ошибка около 4° широты.

Г. Ф. Миллер в своей неоднократно цитированной работе¹ указывает на «Новую карту Московии» («Nouvelle carte de Moscovie»), содержащую также и маршрут одного посла в Пекин. «Сию карту,— говорит Миллер,— можно почесть ни за что больше, как за худую копию с карты Избранда Идеса». И далее, говоря о том, что в Западной Европе издан ряд других карт России, он дает им такую общую характеристику: «все то худые старинные карты, при коих учиненные уже тогда открытия и новейшие известия ни мало не употреблены» (стр. 443).

Конечно, в петровское время, как и в XVII в., многие картографические материалы, выполненные русскими людьми, попадали за границу нелегальными путями. Поразительно ярким примером этого может служить деятельность известного французского географа и астронома Иосифа-Николая Делиля, приглашенного в Россию в 1721 г. Петром I, но приехавшего и работавшего в Академии Наук уже после смерти Петра I, т. е. в годы, непосредственно примыкавшие к рассматриваемому нами времени.

В 1726 г. Делилю было поручено руководить составлением Генеральной карты Российской империи. Дело, несмотря на то, что он был очень крупным специалистом в своей области, подвигалось чрезвычайно медленно. К тому же вскоре появились указания на то, что «...с ландкартами неосторожнее поступают, потому что профессор Делиль, снимая с них копии, посылает оные во Францию, как и подлинно лет (в действительности.— Д. Л.) после того сочиненная капитаном Берингом карта о первом его путешествии в Камчатку во Франции напечатана и чрез патера Дюгалда на свет издана».²

Пришлось даже «донести государыне», «...которая изволила приказать, чтоб за Делилем крепко присматривать и при сочинении Генеральной карты сделать такое учреждение, чтоб все подлоги пресечены, а самое бы дело с успехом произведено было».³ В 1747 г. Делиль был уволен из Академии и вернулся в Париж.

Позднейшие русские ученые, изучавшие вопрос о составлении Генеральной карты, также обращали внимание на ненормальное положение, создавшееся в этом важном государственном деле. Однако, не располагая необходимыми документами, они часто приписывали это личным взаимоотноше-

¹ Г. Ф. Миллер. Известия о ландкартах российских, касающихся до Российского государства...— Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1761, ноябрь—декабрь.

² Материалы для истории Академии Наук, т. V, 1742—1743. Донесение Шумахера. СПб., 1889, стр. 247—249.

³ Там же.

ниям академиков и неуживчивости Делиля. Так, например, академик О. В. Струве считал, что «...беспокойный и тяжелый характер Делиля и постоянные его ссоры с сотрудниками много помешали успешному ходу работ, так что составление общей карты России подвигалось вперед чрезвычайно медленно».¹

В действительности же дело было не в ссорах и характере французского ученого. Известный историк русской картографии В. Кордт в своей работе по истории картографии Украины раскрыл на основании новых документальных данных истинные мотивы деятельности Делиля. По возвращении в Париж Делиль печатно заявил о своем намерении издать карту всей России и отдельных частей ее с необходимыми пояснениями и добавил, «что карты, изданные в Петербурге, хотя и составлены на основании собранных мною с этой целью материалов и на основании выработанного мною плана, не являются такими правильными, как они должны были быть» (разрядка моя.—Д. Л.). Другими словами, он сознается в умышленном искажении изображаемых на картах объектов.²

Что заставляло его поступать подобным образом? Оказывается, что перед выездом в 1725 г. из Парижа Делиль получил от своего правительства инструкцию посылать в Париж ведомость о своих научных трудах в России морскому министру Морепа и королевскому библиотекарю Биньонови. Это задание Делиль выполнил, о чем свидетельствует его переписка с обоими вышеуказанными лицами. Но он использовал свое пребывание в России еще и иначе. Как известно, надписи на каждой карте переводились для него по-французски якобы лишь для того, чтобы избежать ошибок из-за плохого знания им русского языка. На самом же деле с начала своего пребывания в Петербурге Делиль отсылал во Францию рукописные географические карты России, скопированные и «приспособленные» для него. Например, в августе 1731 г. он отправил через интендантскую почту ящик с картами в Париж академику Онзамбре, в августе 1733 г.— такой же ящик морскому министру Морепа. В марте 1743 г. Делиль пишет тому же Морепа, что будто бы хранившиеся у его (Делиля)

¹ О. В. Струве. Там же.

² В. Кордт. Матеріали до історії картографії України. Київ, 1931. Труд Кордта, посвященный специальному вопросу украинской картографии, долго не привлекал к себе должного внимания. Впервые сообщение о нем было сделано украинским географом т. Петрунь в 1948 г. в Ин-те географии Академии Наук СССР, а затем А. В. Ефимовым на заседании Моск. отд. Географического об-ва СССР 12.IV 1949 г.

В книге Кордта (стр. 20—22), из которой взяты изложенные ниже факты, приводятся ссылки на вышедшие во Франции письма Делиля и некоторые другие документы.

сестры в Париже русские карты украдены, но он надеется их достать снова.

Тогда же он просил полномочного посла Франции в Петербурге дать наказ про «надежную и секретную» доставку трех больших пакетов с картами и рукописями, относящимися к России, едущему в Стокгольм государственному секретарю французского флота. Последний должен был передать пакеты французскому послу в Швеции с тем, чтобы доставить их все тому же морскому министру. Карты эти были приобретены королевской библиотекой. Ее хранитель записал в своем дневнике от 22 августа 1754 г.: «Лефевр (секретарь королевской библиотеки) и Делиль передали мне карты и рукописи, касающиеся России и сопредельных стран. Их отобрал и отчасти отредактировал и перевел Делиль. Всех их есть 190 единиц» (разрядка моя.— Д. Л.). Другая часть астрономических и географических коллекций Делиля хранилась в депо флота. Делиль числился в депо планов флота астрономом-географом с содержанием в 3000 франков в год и с пожизненной рентой в 2000 франков.

Вот чем объяснялось поведение Иосифа Николая Делиля во время его работ в Петербургской Академии Наук. Материалы Делиля, хранившиеся в Морском министерстве, разделяются на две части: рукописи и карты. В числе рукописей находятся: история и география России, путешествия по России и Сибири, записки геодезистов, записки по истории и географии России, карты России и ее административное деление и некоторые другие.

В географической секции Национальной библиотеки в Париже сохраняются 150 рукописных карт из коллекции Делиля. В том числе относящиеся к Украине: граница между Польшей и Россией; местность между Днепром и Днестром от Ирпеня (у Киева) до устья Тясмины и от Винницы до устья Синюхи; течение Десны, составленное в 1724 г.; несколько пограничных карт России и Польши; карта Дона и Донца; 5 карт, составленных в 1725 г. геодезистом Есеновым; несколько карт «полков»: Сумской, Охтырский, Харьковский и др.; несколько карт, изображающих части Украины как внутренние, так и, особенно, пограничные, течения ее рек и т. п.; карта окрестностей Азова, карта Азовского моря Петра Бергмана 1702 г.; восточная часть Азовского моря — его же 1702 г.; северный берег Азовского моря — инженера Элл 1699 г.; Черное и Азовское моря и т. п.

Несколько карт Украины, полученных от Делиля, хранятся в Морском министерстве Парижа, как, например: Киевской и Азовской губерний, генеральная карта Украины от Дона до Днестра и т. д.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ, СВЯЗАННЫХ С ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СТРАНЕ

Задача настоящего раздела — дать лишь самую общую характеристику той работы мысли в области географических вопросов, которая проявлялась в многочисленных официальных документах, связанных с некоторыми сторонами хозяйственной деятельности в петровское время. При этом необходимо твердо помнить, что часть сведений, требовавшихся всевозможными указами, или не доставлялась или имела весьма мало достоверный характер. Географическая изученность России, особенно Азиатской, была не только в петровский период, но и позже весьма недостаточной. Но мероприятия в этой области, проводимые при Петре I, обнаруживали, с одной стороны, значительно более высокий, чем в допетровское время, уровень знаний природных условий и хозяйства отдельных районов, а с другой — настойчивое стремление получить множество разнообразных сведений географического характера, практически необходимых для организации различных отраслей хозяйства.

Петр I, стараясь насадить в отсталой России торговлю и промышленность и укрепить государственные финансы, издавал огромное количество указов самого разнообразного содержания.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Число распоряжений, относящихся только к промышленности, достигло нескольких тысяч.¹ Они охватывали вопросы организации предприятий, их правового состояния, налогового обложения и т. п., а также преследовали цели учетного порядка. Так, например, именной указ от 11 февраля 1719 г.

¹ В. Мешков. Русская промышленность по указам Петра Великого. М., 1876, стр. 2

повелевал Коммерц-коллегии собрать сведения «...из всех присутственных мест, губерний, городов о мануфактурах и материалах, которые в России делаются и сыскиваются, и, рассматривая, сделать определение, которыми без вывозу из-за моря обойтись можно и что должно вывозить, без чего пробыть нельзя». ¹ Указ, данный 14 мая 1720 г. из Берг-коллегии, о присылке «ведомостей о всяких рудных заводах, частным лицам принадлежащих», требовал сообщить, «под потеряннем движимых и недвижимых их имений и телесного наказания и ссылкой в каторгу, сколько у них в 1719 г. на тех заводах чего было сделано, также и впредь, что на тех их заводах тех металлов и минералов будет всякой год делаться, чтобы иметь им правдивую записку, не утая ничего». ²

Охватить учетом старались и многие другие объекты народного хозяйства, особенно леса, сохранение которых, как известно, весьма заботило Петра I. Издавая строжайшие приказы, запрещающие производить вырубку определенных пород деревьев или определенных участков, расположенных около сплавных рек, Петр I требовал учета лесных площадей. Например, указом от 19 ноября 1703 г. велено произвести опись лесов «во всех городах и уездах «от больших рек в сторону по 50, а от малых по 20 верст». ³

Сенатским указом 11 сентября 1721 г. строжайше напоминалось «о присылке по прежним указам из губерний и провинций в Адмиралтейскую Коллегию описных книг заповедным лесам и именных списков лесным надзирателям». ⁴

В целях налогового обложения собирались сведения и о пчеловодстве. В этом отношении весьма показателен указ от 25 января 1709 г. «О сборе денежных доходов с домовых пчельных заводов; с бортных ухажьев и с оброчных земель». ⁵ Четвертый параграф требовал: «в городах, духовного чина и градских всяких чинов жителей и тех городах в уездах духовного чина и у помещиков и вотчинников и у иных наших чинов и у людей их и крестьян взять сказку... в прошлых 704, 705, 706, 707, 708 годах, сколько в котором году порознь с домовых их пчелочных заводов, из бортных ухажьев и скольких ульев и на который год и почему с улья и кому имени сборщикам и у кого против которого года домовых пчельных заводов и бортных ухажьев убыло, и для чего убыло, також и прибыло». Как видим, интересовались не только наличным

¹ М. Чулков. Историческое описание Российской Коммерции, т. IV, кн. I. СПб., 1785, стр. 97.

² П. С. З., т. VI, § 3582.

³ Там же, т. IV, § 1950.

⁴ Там же, т. VI, § 3826.

⁵ Там же, т. IV, § 2222.

состоянием пчеловодства, но и его динамикой и причинами падения или роста числа ульев и их продукции.

Требовались данные и о состоянии сельского хозяйства, о чем наглядно свидетельствует, например, сенатский указ от 23 июля 1723 г. о присылке еженедельных ведомостей: «...впредь из губерний и провинций о хлебе, где какой родился и какими ценами покупают, в Камер-Коллегию рапорты посылать». ¹ «Камер-коллегия, между прочим, обязана была сообщать сведения о состоянии, натуре и плодородии каждой провинции», ² т. е. давать общую характеристику ее природных условий и экономики. Таких распоряжений, охватывающих огромный круг хозяйственных вопросов, можно было бы привести чрезвычайно много. Далеко не все из них выполнялись практически, но они свидетельствуют об упорном стремлении получить с чисто практическими целями сведения, дающие возможность составить представление о размещении по территории России множества хозяйственных отраслей.

Помимо этих общих указов, посылаемых всем провинциальным администраторам, требовали представления массы отчетных данных об отдельных торговых и промышленных предприятиях, вызывавших к себе особый интерес. В частности, запрашивались и присылались в ответ подробнейшие ведомости о развивавшейся на Урале и в Сибири горно-рудной промышленности. ³

Наконец, выбор соответствующего места для вновь возникающих предприятий и строительство отдельных заводов требовали определенного учета и анализа как природной, так и экономико-географической обстановки.

Д. А. Кашинцев, ⁴ исследовавший историю развития уральской металлургии, приводит необычайно яркий пример детального обсуждения вопросов, связанных с выбором места для строительства заводов в петровское время. Речь идет о постройке первого доменного завода — Невьянского.

В 1696 г. от верхотурского воеводы были затребованы сведения, «где именно имеется лучший камень магнит и добрая железная руда». Образцы магнитного железняка с р. Тагила и руд с р. Нейвы были тотчас отправлены в Москву. Как только выяснились положительные результаты анализа, летом 1697 г. воеводе были посланы две грамоты-инструкции.

¹ Там же, т. VII, § 4272.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XVI. Изд. 2-е, СПб., «Общ. Польза», б. г., стр. 165.

³ См. ниже раздел о поисках ископаемого сырья.

⁴ Д. А. Кашинцев. История металлургии Урала, т. I. Первобытная эпоха XVII и XVIII веков. Под ред. акад. М. А. Павлова. М.—Л., 1939, стр. 44—46.

Вторая из них от 15 июня 1697 г. была сформулирована начальником Сибирского приказа А. А. Виниусом и является особенно ценной.¹

Прежде всего, предлагалось строить на речке, «в недалном расстоянии от тех руд и близ рек судовых, которыми бы мочно железо водою в понизовые Сибирские и Русские города отпускать, построить большую плотину для молотовых и болших мехов подъему, и при которых местах сыщутся многие пустые леса». Таким образом, местоположение завода определялось наличием руд и реки как для устройства «водядействующих механизмов», так и для удобного сплава и, наконец, наличием «пустых», т. е. никем не эксплуатируемых лесов, необходимых для получения топлива и древесного угля для металлургического процесса.

Далее предлагалось, собрав лучших «тамошних железных заводчиков мастеров и с ними удобные места, где бы на речках, пристойных для строения болших заводов близ болших рек и рудных мест и руд, осмотреть, и описать, и чертеж подлинно на бумаге учинить: которые слободы в близости и в каком расстоянии от тех мест случатся, и в которой слободе сколько дворов, и хлеб там почему покупают, и работников почему наймают поденно или неделно, и от того места до слободы Утки² летней тележной, а зимою удобной санной путь есть ли, и что расстояние и зимою и летом, что с пуда провозу возьмут, и в той слободе суды делают ли, и что судно станет, и что пуд подымает, и во что пуд летом водою до Казани и Нижнего, а зимою до Соли Камской и до Соли Вычегодской провозу станет». В конце грамоты требуется, в соответствии с пунктами «вышеписанного нашего в. г. указу», прислать подробное сообщение и чертеж.

Как видим, в этой инструкции конца XVII в. дана настоящая широкая программа, включающая вопросы, действительно весьма важные для проведения обследования, которое мы с полным основанием назвали бы теперь экономико-географическим. «В основном уездный воевода сумел удовлетворить требовательный Московский приказ. Местная обстановка была достаточно выяснена».³

Таким образом, даже самый беглый анализ того круга вопросов, который старались выяснить деятели петровского времени при строительстве в одной только отрасли промышлен-

¹ Инструкция эта опубликована в Актах исторических, т. V, № 267, и приведена Кашинымцевым.

² Слобода Утка — пристань на р. Чусовой.

³ П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947, стр. 302.

ности, свидетельствует о большой работе мысли, направленной на проблемы экономико-географического порядка.

Подробное рассмотрение огромного официального материала, относящегося к различным сторонам хозяйственной деятельности того времени, конечно, далеко выходит за пределы наших возможностей. Поэтому в дальнейшем мы постараемся несколько более детально проанализировать лишь документы, касающиеся поисков полезных ископаемых и развития торговли. Как нам кажется, они могут служить хорошими иллюстрациями к разбираемым в настоящей работе проблемам.

ПОИСКИ МИНЕРАЛЬНОГО СЫРЬЯ

В России и в допетровское время, в течение всего XVII в., велись разведки полезных ископаемых не только в центре страны, но и на отдаленном севере, а также на Урале и в Сибири.

Под Москвой и на северо-западе шла добыча руд и выплавка металла. Помимо множества мелких, кустарного типа предприятий, в особенности по производству железа, начали возникать и первые более крупные, так называемые «крепостные мануфактуры». Искали не только железную руду, но и медную и другие. Еще в 1666 г. в Толвуйскую волость Олонецкого уезда, «большого северо-западного залива Онежского озера — был послан новгородский гость Семен Гаврилов с плавильщиком иноземцем для сыску медной руды». ¹ Разведки дали благоприятные результаты, но вскоре выработка была оставлена. Рано начинается и эксплуатация рудных ископаемых в районе Покамья и Среднего Урала с Зауральем. Так, в описи Соли-Камской 1623 г. (Койсарова) отмечен ряд кузниц и 37 соляных варниц. Около 1630 г. был начат первый опыт казенной эксплуатации железных руд в Зауралье — в 40 верстах от Ирбита был устроен «завод». В 1633 г., под руководством стольника Стрешнева «с главным деятелем в лице гостя Надея Андреевича Светешникова», посланных для сыскания золотых руд, были открыты значительные месторождения меди в верховьях Камы, недалеко от Соликамска. ² Сохранился ряд актов 1665—1670 гг., ³ свидетельствующих о поисках руд, драгоценных камней и некоторых других минералов, а также жемчуга, не только на Урале, но и в отдаленнейших районах Сибири и Дальнего Востока. Так, некто Тумашев 16 июля 1669 г. в приказной избе

¹ Там же, стр. 285.

² Там же, стр. 290—293.

³ Д. А. И., т. V, № 10 и № 73.

Верхотурья «сказал и объявил» о нахождении им выше Невьянского острога наждака, «а тот камень годен ко всякому алмазному делу, и наломал его 10 пудов». Он же в Тобольском уезде, повыше Мурзинской слободы, «обыскал в горе два изумруды камни, да три камня с лаловыми искры, да три камня тунпасы». Тунпасы — топазы. Лалом называли аметист, который, действительно, добывался в районе р. Мурзинки.

18 июня 1668 г. служилый человек Цыпандин рассказал о привозе в прошлом 175 г. (1667 г.) на Кавыму (Колыму) реку с «Чон-дона жемчюгу». В том же 1668 г. окольный Барятинский сообщил, что «на Охоте реке сыскали серебряную руду... а по губам морским и по рекам жемчужные раковины, и в тех раковинах жемчюг, и на устье Кухты реки те же жемчужные раковины и жемчюг есть, и с реки Охоты привезли в Якутский острог жемчюгу». Далее перечисляются местонахождения жемчужных раковин. В 1676 г. по указу Федора Алексеевича была дана грамота князю Юрию Ромодановскому «о сыску Московского государства по всем городам и уездам серебряной и медной руд и красок и всякого узорочного и простого пригодного камня». ¹ Таких примеров можно привести множество. Но масштаб всех этих поисков был значительно меньшим, чем в петровское время. Вся организация разведочного дела ставилась при Петре I на гораздо более широких и научных основаниях.

Организация разведок полезных ископаемых. Прежде всего, надо отметить, что в наказах различным администраторам, отправляемым на места, особенно на Урал и в Сибирь, в числе прочих дел поручалось собиранье сведений о местных сырьевых ресурсах и посылка образцов в Москву.

Таков, например, очень подробный наказ 1 сентября 1697 г. ближнему боярину Черкасскому, назначенному в Тобольск воеводою «об управлении казенными, земскими и военными делами». ² 15-й пункт его требовал сообщать о сыске, «где знает руды золотую и серебряную и медную и слюду».

Аналогичен и «особенный наказ» 1 февраля 1700 г. стольнику Бибикову, отправленному в Нерчинск воеводою, ³ предлагавший в числе прочих дел: «со всяким радением осмотреть места, где слюда объявится, и то описать имянно, наломав той слюды для образца, прислать с казною к Москве в Сибирской Приказ... да ему ж... по сметным местам осматривать

¹ Д. А. И., т. VII, № 10, п. 1.

² П. С. З., т. III, § 1594.

³ Там же, т. IV, § 1835.

либо где сыщется корень ремень копытчатой, и буде где сыщется прямой и не черенковой, и велеть его накопать, и на солнце высушить кусками, как водится, покласть в мешки и в сундуки, чтоб не погнил и сила б из него не вышла, и для опыту прислать к Москве в Сибирской приказ два или три пуда...»

24 августа 1700 г. последовал известный указ об учреждении Приказа рудокопных дел,¹ сосредоточивающего у себя работу по разведкам полезных ископаемых на территории России.

2 ноября того же года «великий государь указал для исполнения золота и серебра в своем великого государя Московском государстве на Москве и в городах сыскивать золотых и серебряных и медных и иных руд и о сыску тех руд в города к воеводам и приказным людям послать грамоты, а к Бурмистрам памяти; велеть на Москве и в городах и в уездах по торгам и ярманкам в торговые дни кликать бирючем по многие времена».²

Этот указ, стимулирующий поиски минерального сырья и содержащий угрозы наказаний лицам, знающим, но не извещающим о рудах, предлагал: «досмотря той руды имать по два пуда, а в каких местах и на чьей земле и в горах или в niskих местах и при лесах и при водах,— описывать имянно и ту руду запечатать, присылать к Москве в приказ рудных дел».

Необходимо отметить, что наряду с посылкой образцов руд за границу для анализа в России петровского времени производились испытания руд русскими мастерами. Например, в 1697 г. кузнец Антуфьев — впоследствии известный под фамилией Демидова, испытал невьянские руды (см. выше) и нашел их выгодными для плавки, а железо «не хуже свицкого»³ (шведского). Для осмотра найденных недалеко от Тагила железных руд были 20 февраля 1697 г. посланы мастера — «бронники отведать, годятца ли те железа в оружейное дело». Они заявили, что «те железа против тульского, а свицкого пожестче»⁴ (т. е. по качеству равняются тульскому, но труднее в плавке, чем шведское).

О масштабе разведок, выполненных за первое десятилетие XVIII в., говорят следующие строки «приговора» Сената от 10 июня 1711 г.: «с 700 года и поныне вышеписанные рудные мастера, ученики у происку руд, были беспрестанно в разных дальних городах и солдаты с ними для бережения и караула

¹ Там же, т. IV, § 1812.

² Там же, § 1815.

³ Д. Кашинцев. Там же, стр. 44—45.

⁴ Б. Б. Кафенгауз. Строительство первых уральских заводов.— Вопросы истории, 1945, № 5—6, стр. 52.

казны и для рудной науки; а по сыску и осмотру их мастерскому и по изветам изветчиков от воевод прислано руд из 121 города...» (разрядка моя.— Д. Л.). Далее перечисляются районы, где были обнаружены признаки медной руды: Олонецкий, Псковский и Пустозерский остроги, Верхотурье, Кунгур, Тобольск, всего 6 городов. По справке Сибирского приказа, «для искания руд во все Сибирские города Сибирской губернии мастера посланы и сысканы — на Кунгуре — медная, железная, на Верхотурье, в Тобольске — железная магнитная, в Нерчинске — серебряные руды».

Таков был размах поисков к моменту упразднения Приказа рудных дел.

Именной указ от 10 декабря 1719 г. «об утверждении Берг-Коллегии для ведения в оном дел о рудах и минералах»¹ чрезвычайно ярко подтверждает, какое значение придавалось в то время поискам полезных ископаемых. В нем, как это обычно для законодательных актов Петра I, дается и подробная мотивировка постановления: «Понеже мы все милостиво усмотрели, что от рудокопных заводов и прилежного устройства оных земля обогатет и процветает, также пустые и бесплодные места многочисленством населятся, якоже и искусство в различных землях довольно показует.

Наше же Российское государство пред многими иными землями преизобилует и потребными металлами и минералами благословенно есть (разрядка моя.— Д. Л.), которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы, паче же не так употреблены были, как принадлежит, так что многая польза и прибыль, который бы нам и подданным нашим из оного произойти мог, пренебрежен».

Последние строки свидетельствуют и об убеждении Петра I в огромных природных богатствах России, лежащих без использования. Это убеждение, бесспорно, создавалось практическим ознакомлением Петра I и его соратников с делом изучения недр своего обширного отечества.

Очень большую роль в этом деле сыграли многочисленные сообщения о залежах полезных ископаемых, поступавшие в губернии и Петербург от местных людей, часто от простых крестьян.

В целях поощрения горно-металлургического дела тот же указ объявлял: «соизволить всем и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово,

¹ П. С. З., т. V, § 3464.

свинец, железо, тако ж и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и камня». Далее шли пункты, не имеющие прямого отношения к нашей теме, определяющие права и обязанности разведчиков недр и заводчиков.

Незадолго до смерти Петр I издал (10 апреля 1722 г.) строгий именной указ, с помощью которого он пытался прекратить злоупотребления и обеспечить широкие исследования природных богатств: «понеже ведомо учинилось, что в прииске всяких руд и минералов помещики, также прикащики и старосты доносителям и приискателям руд великие обиды чинят и не токмо что их не допускают в угодыя своих руд сыскивать, но еще бьют и мучают», таковых лиц «брать и разыскивать в том в Берг-Коллегии». ¹ Указ этот является свидетельством как неослабного внимания Петра I к поискам минералов, так и трудностей, с которыми сталкивалось в условиях того времени его стремление развить промышленное производство в России.

Выбор конкретных мест для разведок. На чем же основывалось правительство Петра I, выбирая то или иное конкретное место для разведок? Бесспорно, центральные Приказы, а потом Берг-коллегия использовали уже имевшиеся в их распоряжении прежние материалы. Укажем, в частности, на одну важную особенность, уже отмеченную для поисков минералов в течение всего XVII в. Это — внимание, уделявшееся местам, где в прежние времена, иногда довольно отдаленные, производилась добыча отдельными русскими старателями и, особенно, коренными жителями — «иноземцами». Об этих заброшенных шахтах и вообще разработках собирались сведения, затем по открытым следам командировались исследователи.

Так, в извлеченных из «Якуцкой Архивы» актах о прииске и осмотре разных руд в Сибири, относящихся к 1680—1682 гг., т. е. ко времени, предшествующему единоличному царствованию Петра I, говорится о посылке некоего Воейкова «... на Аргунь реку проводить тайно, где раньше были приисканы серебряные руды», места эти осмотреть и узнать, «мочно ли острог поставить и всякие заводы для плавки той руды завезти и сколь далеко то место от Китайского государства». ²

Еще в середине 80-х гг. XVII в. боярский сын Лоншаков, считываясь в своей поездке в Нерчинский район к старым серебряным копям, «где преж сего имана руда», кратко сообщил о том, что он со спутниками «нашли яму в 1½ сажени,

¹ М. Чулков. Историческое описание Российской Коммерции, т. VI. кн. 2. СПб., 1786, стр. 37.

² Д. А. И., т. VIII, № 85, п. 3.

взяли руды пуда с три и из других ям поблизости, а яма от Тузяги речки в 92 саженьях». И далее: «... а от тех рудных мест леса черные, листовик бережник, верстах в десяти и меньше, и острог поставить и заводы завести для плавки руд мочно, потому что место угоднее и пашенных земель много, хотя на пять сот дворов, и от китайского государства то место в дальнем расстоянии и ссор быть не для чего. А от Аргунского до тех руд скорою ездой доезжают в полдни и ранее». ¹ Как видим, учтена даже выгодность расположения руд (далекое расстояние от границы). Лоншаков обнаружил до 20 плавилен, но не мог «доведаться, какие люди плавили преж сего».

Таких примеров можно привести очень много, вплоть до конца рассматриваемого нами периода. Так, в донесении мастера Дамеса от 8 июля 1722 г. об осмотре им медной руды «промеж рек Аги и Ононом» сообщается о расчистке старой русской ямы глубиной 4 сажени и другой «богдойской» (т. е. китайской) копки. ²

Затем, бесспорно, очень большую роль играли поиски, производимые сотнями отдельных лиц, поощряемых указами и обещаниями всевозможных льгот и наград. Сообщаемые ими сведения о своих открытиях чрезвычайно часто являлись причиной дальнейших поисков, предпринимаемых администрацией.

Например, в наказе от 31 марта 1697 г. ³ окольниковому Львову, определенному воеводой в Казань, находим такое место: «по письму подъячего Давыда Кузьмина (разрядка моя.— Д. Л.), в Казани, в деревянном городе, в приходе у церкви Бориса и Глеба... есть медные руды жила толщиной в бревно... В тех местах, где была преж сего медная руда, досмотреть и сыскать тое руды против прежнего...». В отписке верхотурского воеводы к тобольским воеводам сказано: «1702 г. августа 23 числа в Тобольску в приказной палате... Сын протопопов сказал: от Сулемской слободы верстах в 10 идя от Соликамска по Чусовой есть серебряная руда». ⁴

Наконец, правительство рассылало общего порядка указы всем своим местным органам, предлагая им организовать активные розыски. При этом иногда перечислялись отдельные виды минералов, на которые надо обратить особое внимание: железо, медь, серебро, слюда, краски, соль (поваренная), «селитра», сера и некоторые другие. Затем предписы-

¹ Д. А. И., т. X, § 77, стр. 329.

² П. С. И., т. II, № 56.

³ П. С. З., т. III, § 1579.

⁴ П. С. И., т. I, § 43.

валось присылать в центр соответствующие образцы. Некоторые из таких распоряжений очень любопытны.

Так, сенатский указ от 21 декабря 1716 г. требовал «... для пробы раковин и камешков разноцветных всех руд, какие в каких реках явятся, с каждой губернии по пуду, привязав к ним ерлыки с описанием, в Санктпетербург... прислать немедленно». ¹

Указ от 19 февраля 1720 г. предлагал всем, кто «пожелают в Берг-Коллегию руды объявлять, дабы каждая руды около четырех или пяти фунтов приносили, при том требуется, дабы приноситель тех руд и обстоятельную ведомость о тех местах, где те руды находятся, дати могли (разрядка моя.— Д. Л.), почему каждому поступать надлежит». ²

В 1716 г. был издан указ о посылке во все губернии образцов «заморских красок, дабы во всех городах те краски и их цены были объявлены и в народ опубликованы, кто где такие или им подобные сыщет, дабы объявлять губернаторам». В 1723 г. аналогичный указ предлагал Мануфактур-коллегии послать «всюду в государство» образцы красок и других материалов, ввозимых из-за границы, с тем, чтобы установить, «не сыщутся ли такие материалы в России». ³ Как видим, такие общие указы, рассылаемые многократно, охватывают обширный круг как рудных, так и нерудных ископаемых.

Указ из Берг-коллегии от 8 июня 1721 г. сообщал об осведомленности правительства о том, что «в некоторых речках роятся в раковинах жемчуг, токмо российский народ к тому суца необыкновенен, каким способом и в какое время и в каких местах его доставать». Далее давались общие указания о местонахождениях жемчуга: «жемчужные раковины содержат себя в речках, где чистая и свежая ключевая течет вода, а особливо, где рыбы пискаря и форели, которые подобны лососи находятся». Указ содержал также и конкретные технические советы: когда, где и каким образом лучше производить ловлю. ⁴

Такими разнообразными путями шла организованная работа, направленная на выяснение географии природных богатств России, хотя, конечно, самое слово «география» не фигурировало ни в одном из рассмотренных здесь документов.

¹ П. С. З., т. V, § 3054.

² Там же, т. VI, § 3529.

³ П. Г. Лукьянов. Роль Петра Великого в организации химического производства в России.— Вопросы истории, 1947, № 6, стр. 81.

⁴ П. С. З., т. VI, § 3794.

В этой области, прежде всего, необходимо констатировать следующие моменты, отличающие изучаемое нами время от предыдущих десятилетий XVII в.:

1) наряду с продолжением разведок в старых районах центральной и северо-западной Европейской России, особое внимание стала привлекать Сибирь, т. е. все русские азиатские территории, начиная с Урала и далее на восток до побережий Охотского моря. Производившиеся там до царствования Петра I поиски были во много раз малочисленнее и носили гораздо более случайный характер;

2) увеличился круг тех материалов, которые привлекали внимание правительственных органов;

3) значительно улучшилась организация обследования, в частности, гораздо более подробными и систематическими стали инструкции, а также более точными и детальными сведения, получаемые из множества официальных сообщений с мест.

Поиски полезных ископаемых в Европейской России. Поиски полезных ископаемых, как указано, активно продолжались и на территории Европейской России. Попрежнему привлекал внимание ее северо-запад. Приведем несколько характерных примеров.

Первая печатная русская газета «Ведомости» в февральском номере 1703 г. сообщала: «В Олонецком уезде в Файмогубской волости, в камени найдена медная руда, и той руды накопано с двести пуд, да в том же Олонецком уезде в Файмогубской волости в каменной горе сыскана же самородная медь, и набрано ее многое число плитами, длиною по аршину, шириною в три четверти аршина и болши, толщиною в два вершка... и по опытам из той руды и самородной меди, медь самая добрая, красная».¹

Уточнение разведок, проводившихся в уже известных районах месторождений полезных ископаемых, приводило к открытию новых залежей. Так, те же «Ведомости» за декабрь 1706 г. поместили «реляцию» о том, что «близ новопетровских заводов, что на Онеге озере, в преждеприисканных местах найдена медная руда... и выняли той руды верхней и жилной мелкой и в валуочем камени с две тысячи пуд».²

10 октября 1711 г. Сенат, по донесению архангелогородского вице-губернатора Алексея Курбатова (известного своими проектами финансовых реформ) о поступивших к нему

¹ Ведомости времени Петра Великого, вып. 1. 1703—1707 гг. М., Моск. синод. тип., 1903, стр. 17.

² Там же, стр. 358.

«из тех мест несколько руд, из которых де отчасти знающие сказывают, что является серебро», приговорил послать туда «рудных дел мастера Ивана Зубкова, который был в Саксонии».¹

В 1714 г. именной указ из Сената предписывал одному из служилых людей ехать в Вологодский уезд для осмотра серебряной руды, найденной крестьянином Алексеем Пантиним.²

В 1716 г., будучи в Шверине, Петр I распорядился послать рудного мастера Блеера, самовольно вернувшегося в Москву, на Украину «в Черкасскую землю» для прииска руд, приставив к нему «такого человека, который бы всегда с ним был и над ним смотрел, чтоб он не гулял».³

Продолжались также и многочисленные разведки руд в центральных подмосковных районах, приводившие к открытию новых небольших месторождений. Важно отметить, что поиски ископаемых проводились не только по распоряжению из центра. Очень часто они опирались на открытия, сделанные на местах крестьянами и другими простыми людьми, занимавшимися этим делом по личной инициативе. Одним из многочисленных примеров этого может служить собственноручная резолюция Петра I, наложенная на прошение крестьянина Лакалина, объявившего в Москве об «изыскании» им в Алатырском уезде серебряной руды и просившего разрешить ее разработку: «дать по сему прошению решение без замедления по силе регламента».⁴

Помимо изысканий руд, Петр I очень интересовался минеральными источниками. Так, 24 июня 1714 г. был дан именной указ Сенату: «Велите доктору Шуберту искать в нашем государстве, а особливо в таких местах, где есть железные руды, ключевых вод, которыми мочно пользоваться от болезней, какими в здешних краях пользуются, как Пирмонтская, Шлавассера и проч.»⁵ 20 марта 1719 г. последовал также именной указ «о марциальных водах на Олонце», их целебных свойствах и методах лечения.⁶

Наконец, особый интерес представляют поиски каменного угля, впервые организованно проводившиеся в петровское

¹ П. С. З., т. IV, § 2438.

² Там же, т. V, § 2864.

³ Журнал или подневная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1689 года, даже до заключения Нейштатского мира, ч. 2. СПб., 1772, стр. 364.

⁴ Бумаги императора Петра I. Изданы академиком А. Бычковым. СПб., 1873, стр. 555.

⁵ П. С. З., т. V, § 3092.

⁶ Там же, т. V, § 3338.

время. «Существует предание,— говорит Е. И. Заозерская, специально исследовавшая этот вопрос,¹ — будто бы уже во время Азовских походов Петр Первый отметил уголь если не в Новороссии, то в Воронежской губернии на Дону и в так называемых Казачьих Городках». Проверить этот факт до настоящего времени не удалось. Твердо установленным началом более или менее организованных изысканий можно считать 1722 г., когда в декабре был дан указ: «На Дон, в Казачьи Городки, в Оленьи Горы, да в Воронежскую губернию под село Белогоре, для копания каменного угля и руд, который объявил подъячий Капустин из Берг-Коллегии, послать нарочного, и в тех местах того каменного угля и руд в глубину копать сажени на три».²

Дальнейшая история открытий рисуется в следующих чертах.

Весной 1723 г. экспедиция действительно состоялась. Капустин копал уголь в Воронежской губ. близ г. Серец и прислал в Берг-коллегию 3 пуда на пробу. Несмотря на неблагоприятное заключение о качестве угля, Капустин доносил, что пробы его «чинились» и в других местах и «сказывали, что от него великий жар». Несколько ранее этого, еще в 1722 г., Берг-коллегия получила «в боченке земляного угля, которое... накопано близ Бахмутских соленых заводов» (книга Берг-коллегии № 626, л. 51). Там же имелось и дело капитана Волжского об обнаружении угля в Переяславском и Рязанском уездах. Ответом на эти находки явился указ Петра I от 11 сентября 1723 г. о посылке 10 человек на Днепр и двух на Осередь. Были выписаны заграничные мастера.³ Пока мастера собирались ехать к месту назначения, около Бахмута (Артемовска) продолжались работы своими силами. Судя по тому, что было привлечено 194 наемных рабочих, работы приняли значительные размеры. Эти поиски увенчались полным успехом. Найденный уголь оказался хорошего качества. Таким образом впервые были обнаружены месторождения Донбасса, сыгравшего затем столь выдающуюся роль в истории каменноугольной промышленности России.

Выехавшая, наконец, в мае 1724 г. из Москвы партия обнаружила уголь в Рязанском уезде, т. е. в пределах современного Подмосковского бассейна. В декабре мастера отправились в Бахмут (Артемовск).

¹ Е. И. Заозерская. Поиски каменного угля при Петре I.— Изв. Всес. геогр. об-ва, 1943, т. 75, вып. 2, стр. 49—57.

² П. С. З., т. VI, § 4129, стр. 796.

³ Там же, т. VII, § 4297.

Со смертью Петра I это дело заглохло и осталось лишь яркой страницей в истории геолого-разведочных поисков петровского времени. Прекращение в дальнейшем на десятки лет столь успешно начатых изысканий в крупнейших каменноугольных бассейнах Европейской России наглядно говорит о косности и отсталости царского правительства России XVIII в.

Поиски полезных ископаемых в Сибири. Итак, в Европейской части России все время проводились различные разведочные работы, однако преимущественное внимание, как уже было сказано, устремлялось на Урал и Сибирь. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих организацию дела, объем поисков и их географическое направление в пределах Азиатской части России.

Из Москвы, а затем из Петербурга направлялся целый поток указов и инструкций, требовавших энергичных разведок различных минералов. В свою очередь, отдельные воеводы, «коменданты», губернаторы и другие сибирские чиновники направляли своих подчиненных для исследований на местах.

Инструкции эти содержали гораздо более обширный круг указаний, чем допетровские. Требовалось не только точно определить месторождения, но и выяснить, по возможности, их качество и размеры, а также различные условия, вытекающие из природных особенностей и географического положения данной местности, позволяющие оценить возможности и степень выгодности дальнейших разработок. Таким образом, в них имелся целый ряд пунктов, необходимых для геолого-географического изучения полезных ископаемых России.

Именной указ от 18 декабря 1696 г. о посылке Александра Левадина для отыскания серебряной руды под Томском содержит требование собирать сведения, «сколько большими людьми в год мочно по тому их опыту руды в год накопать и пуд серебра выйдет и во что».¹

Еще интереснее в этом смысле «Память» пушкарю Ивану Григорьеву и его сыну, направленным в мае 1703 г. «с Верхотурья, Тобольского и Верхотурского уездов в слободы и из тех слобод в села и деревни и в иные уезды» для розыска серебряных и медных руд. В ней приказывается: «отведывать руду, положи на дрова или на уголье,... и велеть серебряникам в горшечках той обожженной руды плавить по фунту, или сколько прилично, и тех руд накопав пуда три или четыре, для опыту, прислать к великому государю к Москве в Сибирский приказ с подлинной ведомостью, в которых местах, и при каких реках и лесах, и далеко ль от жилых мест та руда сыскана, и в какой глубине, и слоями ль лежит, и

¹ Там же, т. III, § 1561.

нарочно вглубь на сажень или далее копать и ломами пробить, и в глубине не сильнее ль явится, и тех нижних мест руд опыт учинить же». ¹

Другая «Память», данная 4 мая 1716 г. дворянину Сергееву об осмотре медных руд в Верхотурском уезде, ссылаясь на «доношение» мастера Галактиона Беляева о пробе медной руды, принесенной верхотурцем Мозжегоровым и давшей 16 фунтов 13 золотников чистого металла из 100 фунтов руды, предлагает ему поехать вместе с Галактионом, все осмотреть, описать и учинить чертеж, «на сколько тех рудных мест верст или сажень будет и при каких реках и лесные места около тех рудных мест и пашенные земли и сенные покосы и иные угодыя есть ли». ²

В тех случаях, когда руды уже разрабатывались на построенных около них «заводах», характеристики месторождений должны были даваться еще подробнее. В этом отношении очень показателен наказ «кабинет-куриеру» Голенищеву-Кугузову от 31 августа 1720 г. о заведывании Нерчинскими заводами. Наказ требовал присылки подробных отчетных ведомостей и содержал «пункты, по которым его царского величества кабинет-куриер в Нерчинском уведомитца, а против сего в Коллегию репортовать».

В первых шести пунктах этого наказа старались, хотя и путем весьма примитивной характеристики, выяснить геологические особенности разработок:

«1. Горы высоки или низки, на восток или на запад, на юг или на север лежащие суть?»

2. Ямы перпендикулярны или круты суть?»

3. Горы мягкого или твердого камня суть?»

4. Руда глубоко или неглубоко внутрь пошла, в некоторых ямах пересеклась ли руда и глубоко ли в ямах тех она пересеклась?»

5. Сколь толсто и широко во всякую яму жилы пошли?»

6. Руда жилами произошла или некоторыми горизонтальными ли частями или гнездами лежат, или вся гора рудная есть?» ³

Этот приказ, наряду с вопросами, касавшимися геологической характеристики сырьевой базы, требовал также представления детальных сведений о техническом оборудовании заводов, о размерах и качестве его продукции.

Таких детальных и систематических инструкций допетровское время не знало.

¹ П. С. И., т. I, № 55.

² Там же, т. II, № 30, стр. 96.

³ Там же, т. II, № 56, п. II, стр. 219.

Лица, получавшие в провинции все эти «памяти» и наказы, посылали в центр или своему местному непосредственному начальству соответствующие отчеты. В них давались ответы, служившие материалом для дальнейшего накопления сведений о географии полезных ископаемых и для оценки географических особенностей месторождений. Конечно и раньше, в особенности незадолго до начала самостоятельного царствования Петра I, с мест поступали сообщения, содержащие аналогичные элементы (см. выше).

В дальнейшем, по мере развития хозяйственных мероприятий петровского времени, отчеты местных служилых людей становятся значительно систематичнее и подробнее. В них появляются сведения, дающие пораздо более точную, чем прежде, качественную и количественную характеристику обследуемых залежей.¹

Что касается географии сибирских поисков, то район их простирался от Урала и до восточных границ с Китаем и побережий Охотского моря. Конечно, на такой громадной территории не могли быть организованы сколько-нибудь сплошные обследования. Не только в петровское время, но и в течение почти двухсот лет после него царскому правительству такая задача была совершенно не под силу. Искали залежей полезных ископаемых в отдельных местах, часто отдаленных друг от друга на сотни километров. По сравнению с огромными и совершенно неизведанными пространствами Сибири и Дальнего Востока поиски являлись очень незначительными. Но в культурных и социально-экономических условиях

¹ Ярким примером этого может послужить отписка сборщика ясака Кычкина об осмотре соли на речке «Кептендеи», поданная 3 июля 1713 г. полковнику Ельчину в Якутск: «...а шириною та речка у соли 15 сажень. А по осмотру та соль самосадок, добрая, чистая, белая, явилась и на потребу христианскому народу годна будет. А мерно той соли длиннику 60 сажень, а поперешнику 25 сажень, а в вышину от земли той соли самосадки 6 четвертей, а в иных местах и менши... Для вывозу воденного пути от той соли на низ по речке Кептендеи до Вилюю плавезу 5 дней, а конной езды с устье речки Кептендеи до соли два дни. А до Лены реки и до Олекминского острогу от той соли воденного пути в близости нет, а по скаске иноземцов, от той соли до Лены и до Олекминского конья езды 8 дней, а кормовиц де конных дорогою до Лены и до Олекминского мало, а за такую дальностью та соль добывать к Лене реке и Олекминской невозможно, а по осмотру надлежит та соль добывать на Вилюю по той реке Кептендеи в малых судах, в большую воду по весне, а по Вилюю дощениками та соль возить в Якуцкой будет свободно, а летом де та речка без дождей бывает суха. Строить суда людей нет» (П. С. И., т. II, № 2, стр. 21—22).

Сравнение этого документа, относящегося ко времени, когда мероприятия Петра I уже оказали свое заметное влияние, с донесением Лоншакова, ездившего в середине 80-х гг. XVII в., типичным для последних десятилетий дореформенного периода Московской Руси, достаточно указывает на их существенные отличия.

России петровского времени в этой области было сделано много.

В заключение приведем несколько иллюстраций, касающихся разведок в Сибири некоторых ископаемых.

Прежде всего, энергично разыскивали железо, столь нужное для новых заводов, снабжающих армию военными материалами.

Задание найти эту руду было обычным при поисках различных минералов, где бы они ни производились. При этом в районах Европейской части России стремились уточнить уже имевшиеся сведения, расширить добычу старых месторождений путем дополнительных разведок. Но особенную активность проявляли в восточных районах и, прежде всего, на Урале, ставшем в последнее время царствования Петра I важнейшим центром черной металлургии. Туда посылалось множество лиц, начиная от русских и приглашенных на русскую службу иностранных рудокопных мастеров и кончая некоторыми крупными деятелями того времени. Еще в конце XVII в., как это отмечалось ранее, от верхотурского воеводы были затребованы сведения о железных рудах и получены образцы и произведена опытная плавка.

Очень характерны донесения Петру I Андрея Виниуса, командированного на р. Каменку (приток Исети, несколько ниже Свердловска): «Тут нашел я,— пишет 25 октября 1702 г. Виниус,— такое множество железных руд, что мною до окончания мира не выкопаются, и прежде леса истощатся, чем руды». В его другом письме царю от 8 декабря того же года из Верхотурья говорится: «руды чрезвычайно богаты, скорее леса истощатся, особенно важно, что железо зело добро и равняется с Гишпанским».

Медь и серебро также являлись объектом тщательных розысков. При этом обещанная указом 1703 г. награда в 1000 р. «тому, кто серебряную руду богатую и зело прибыльную и прочную глубокую сыщет», повела к многочисленным заявкам на нее, часто совершенно лишенным оснований. Однако на крайнем востоке России, в районе Аргуни, Оюна, Шилки, на речке Серебрянке, не только обнаружили в самом конце XVII в. свинцово-серебряную руду, но уже начали с 1704 г. строительство «заводов»,¹ которые в дальнейшем фактически давали выплавку.

Медные месторождения, кроме уже ранее разрабатывавшихся небогатых руд у Онежского озера, были открыты главным образом на восточных склонах Урала — у Соли-Камской, в верховьях р. Чусовой, а затем близ г. Кунгура и в ряде дру-

¹ П. С. И., т. II, № 56, стр. 227.

гих мест. Форсировать поиски меди заставляла также и резко возросшая потребность в ней в связи с переходом к чеканке медных денег, ставших с 1718 г. единственной разменной монетой (ценою до 10 копеек).

Не останавливаясь подробно на разведках других ископаемых, отметим, что искали слюду (и обнаружили ее у Ангары и в близлежащих прибайкальских районах), соль в Якутии, разные «краски» в Прибайкалье и у р. Витима, «селитру» у Нерчинска, жемчуг в озерах и реках Дальнего Востока, и т. д. Иркутский воевода в своей отписке отметил даже наличие губки у Байкала: «в 192 году (1684 г.) июня 14 привезли мне губу, брали ее край Байкала озера по берегу».¹

Интересно, что еще в 80-х гг. XVII в. недалеко от Иркутска были обнаружены выходы нефти. Иркутский воевода, получивший донесение о том, что «за острожною иркуцкой речкой из горы идет жар», ездил смотреть необычайное явление и обнаружил: «Из горы идет пара, а как руку приложить, и рука не терпит... и издалека дух вони слышать от той пары нефтяной, а как к той паре и к скважине припасть близко, и из той скважины пахнет дух прямо сушою нефтью».²

Еще больший интерес представляют поиски каменного угля в Кузнецком бассейне. А. Зворыкин³ обратил внимание на то, что не только в большинстве русских дореволюционных работ, но и в некоторых советских исследованиях проводилась мысль об открытии Кузнецкого бассейна «не русскими людьми, а иностранными учеными, приглашенными в свое время в Россию».

Между тем, как это видно из обнаруженных А. Зворыкиным документов, «мы имеем сейчас достоверное подтверждение того факта, что каменный уголь в Кузбассе был открыт в 1722 г. выдающимся русским горнозаводчиком Михаилом Волковым и что уже в 1722 г. Берг-коллегия, отражая политику Петра I, выдвинула задачу не только широких разведок каменного угля, но и применения минерального топлива для производства».⁴

В делах Берг-коллегии найдено донесение, отправленное из Уктуса 7 мая 1722 г. с реестром, в котором на первом месте отмечен каменный уголь из Томска «донесителя» Михаила Волкова.

Михаил Волков и Степан Костылев, долгое время производившие поиски в районе Томска, привезли в Уктус 12 февраля

¹ Д. А. И., т. X, § 77, п. IX.

² Там же, т. X, § 77, стр. 327.

³ А. Зворыкин. К истории Кузнецкого угольного бассейна.— Вопросы экономики, 1948, № 3, стр. 47—55.

⁴ Там же, стр. 51.

1722 г. подробное описание и план мест, в которых они искали руды, а также образцы их. Берг-коллегия в основном обратила свое внимание на уголь, поставив вопрос о возможности его использования, что отразилось в соответствующей резолюции: «В том реестре нумера первого показан уголь каменный ис Томска доносителя Михаила Волкова, и о оном угле осведомить, не возможно ль оттуда водяным путем к заводам или рудникам, каким промыслам возить и о том репортовать».¹

Факт этот, конечно, заслуживает быть особо отмеченным.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ

Петербургский и Архангельский порты. В области торговли прежде всего представляет большой интерес стремление Петра I изменить направление торговых грузопотоков, выдвинув на первый план вновь созданную столицу империи, вместо исторически сложившихся путей, связанных с Архангельским портом.

Известно, что Петру I пришлось выдержать сильную борьбу в его стремлении направить внешнюю торговлю по новому пути — к Петербургу.

Против этого была не только часть русского купечества, привыкшая к старинному, уже освоенному направлению, но и голландские купцы, прочно осевшие в Архангельске и вообще отнюдь не заинтересованные в развитии конкурентной русской торговли в районе Балтийского моря. Голландцы с тревогой следили за мероприятиями в данной области. Так, например, указ от 15 ноября 1717 г., повелевавший две трети всех товаров, направлявшихся ранее в Архангельск, возить отныне в Петербург,² поверг в отчаяние нидерландского резидента Деби, сообщавшего в апреле 1718 г. своему правительству: «... на будущее лето будет в С. Петербурге огромное количество русских товаров, уже навезено много пеньки, и города Тверь, Торжок и Вышний Волочек завалены товарами, которые будут переведены в Петербург Ладожским озером...»³

Различными мероприятиями поощрительного характера для новой столицы и запретительного для старого русского северного порта,⁴ а также путем принудительного переселе-

¹ Там же, стр. 50. Ссылка на ЦГАДА, фонд Берг-коллегии, книга 620, лл. 202—220, § 29.

² П. С. З., т. V, § 3116.

³ С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XV. Изд. 2-е, СПб., «Общ. Польза», б. г., стр. 160.

⁴ К таковому, например, кроме приведенного выше распоряжения, относятся указы: 1710 г. — «О запрещении вывоза хлеба и юфти на Архан-

ния в Петербург многих именитых архангельских купцов (указ 1717 г.) Петр I добился своей цели.

Осуществление ее, помимо непосредственного принуждения, требовало изучения направления торговых грузопотоков, транспортных условий и даже некоторого, хотя бы и весьма примитивного, торгового районирования. Чрезвычайно показательны в этом смысле следующие мероприятия: указами от 16 октября и 4 ноября 1721 г. предписывалось, чтобы большая часть вывозимых за море товаров «была в привозе в Санкт-Петербурге, а к прочим портам определить некоторую часть из тех мест, которые по удобности пути и по близости к тем портам подлежат; для чего и сделать расписание (разрядка моя.— Д. Л.), из которых городов водяным путем и какими реками, также и сухим путем до Санктпетербурга и до прочих портов способнее ставить можно». ¹ Правительственный Сенат предложил Коммерц-коллегии «изготовить роспись товарам, которые изнутри Российского государства ввозятся к местам, откуда оные приходят и водою или сухим путем привозятся». Коммерц-коллегия, исполняя приказание, запросила мнение сведущих людей о товарах, которые целесообразно возить к Архангельску и Петербургу. Получив справки, Коллегия составила соответствующие ведомости за 1717—1721 гг. и препроводила их вместе со своим мнением в Сенат. ²

Таким образом было проведено своего рода статистико-географическое исследование всего этого вопроса. Не менее характерен и именной указ из Сената от 11 февраля 1724 г. «о назначении каких мест к городу Архангельскому дозволяется привозить товары и о пошлинах с оных». ³ В нем дан конкретный список этих пунктов. Так, например, к Архангельскому порту причислены: «Кевроль, Мезень, Пустозерский и Кольский остроги, из которых товары к городу привозятся морем; Устюг Великий, Тотьма, Вологда, Яренск, из которых товары к городу привозятся Двиною и в нее впадающими реками». Против этих строк Петр I собственноручно написал:

гельск и провоза через него иностранцами шелковых изделий»; аналогичны указы о пеньке и юфти 1713 и 1714 гг.; указ 1716 г.— «Об отправлении через С. Петербург шестой доли всех товаров, отпускаемых за границу, исключая юфти»; указ 1721 г.— «О пропуске товаров к городу Архангельску только для нужд местных жителей, а не для отпуска за море» (П. С. З., т. VI, § 3930), указ 1724 г.— «О взимании в Архангельском порте с привозных иностранных товаров пошлин — четвертой долей больше против Санктпетербургского порта» (П. С. З., т. VII, § 4475) и множество других.

¹ М. Чулков. Историческое описание Российской Коммерции, т. IV, кн. 1, СПб., 1785, стр. 378.

² Там же, стр. 380.

³ П. С. З., т. VII, § 4466.

«позволяется». В том же «реестре» был указан Каргополь, «из которого товары к Архангельску привозятся морем». Против него Петр I написал: «ненадобно».

Весь этот «реестр» и краткие пометки царя свидетельствуют о наличии как у него, так и у его ближайших соратников некоторого комплекса сведений и определенного мнения о районах тяготения различных товаров.

Как известно, Петр I, придававший большое значение торговле вообще и внешней в частности, проводил разнообразные мероприятия по развитию торговых связей с границей и по оживлению и улучшению отечественной торговли, о чем уже говорилось во введении.

Прежде всего, обращает на себя внимание организация получения массы разнообразных сведений, характеризующих торговлю, и сосредоточения их в центральных правительственных учреждениях.

Организация внешней торговли. Помимо развития торговли через Петербургский порт, большое внимание уделялось морской «коммерции» через Выборг, Нарву и, особенно, Ригу, что вело к составлению тарифов и к учету товарооборота и главнейших направлений грузопотоков, связанных с этими портами. Так, например, помимо обычной, установленной отчетности, по требованию рижского оберинспектора Исаева в 1715 г. в Ригу были присланы ведомости о том, «сколько с Бельской и Порецкой пристаней отпущено было купеческих товаров, дабы видеть, все ли оные дошли до Риги».¹

Составлялись подробные сводки о привозе товаров в Ригу, отмечавшие не только наименование и количество поступивших грузов, но иногда, что особенно важно, и пункты отправления: лен из Пскова и из Вязьмы; сало из Калуги, юфть из Москвы и Коломны; пряжа из Костромы и Шуи; клей из Самары; «прочие» товары из Смоленска, с р. Белой и т. п.²

О размерах торговли прибалтийских портов говорят хотя бы следующие цифры: с 1722 г. в порты Балтийского моря пришло 116 торговых кораблей, в 1725 г. в Петербург 240, в Ригу 303, в Нарву 115.³

Помимо Балтики, весьма интересовались и торговлей через Черное море с Константинополем, Венецией, Италией, Левантом. Пристальное внимание привлекали также возможности сухопутных торговых связей с Турцией и многими

¹ М. Чулков, там же, т. V, кн. 1, стр. 37.

² Там же, т. V, кн. 1, стр. 81—82.

³ История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. акад. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1947, стр. 555.

европейскими странами и городами: Польшей, Пруссией, Данцигом, Бреславлем, Англией, Францией, Италией и т. д.

Посылалось огромное количество указов и инструкций, требующих сведений о таможенных, пошлинах, о том, откуда и куда направляются различные виды товаров. Весьма, например, показательна с этой точки зрения следующее распоряжение: указ из Коммерц-коллегии 25 апреля 1720 г. «инспектору на границах турецких и польских господину Блеклову», отправленному для восстановления границ, а «более для сведения о сей торговле». Прилагаемая к указу инструкция требовала осведомиться «...во всех местах его правления, какие народы с нашими купцами торгуют, также и наши куда ездят, и из которых мест», и затем «взять ведомость всяким товарам порознь... от главных таможен, какие товары за границу, в которые землю отпускаются и там более употребляются, также и из-за границ, какие товары званием привозят и из которых мест».¹

Не менее интересен и именной указ, написанный лично Петром I в Коммерц-коллегию из Астрахани 13 июля 1722 г., требующий получения секретным образом сведений о всех товарах, идущих из Данцига в Польшу и из Гамбурга в «немецкие земли», с тем, чтобы впредь Россия могла продавать в эти государства товары своего производства.²

Во исполнение этого последнего распоряжения была прислана «спецификация о Гданском купечестве» 1722 г., представляющая собою ведомость, подробно перечисляющую товары, идущие из России в Гданск («мягкая рухлядь», юфть, сало, лен, пенька, воск, смола, пшено сорочинское, т. е. рис, бадьян, кофе, чай, свиная щетина), из Риги в Гданск (в том числе льняное семя, «которое отсюда в Бреславль и во всю немецкую землю возится»), из Ревеля в Гданск, из Польши в Гданск и т. д. и т. д. Не ограничиваясь этими сведениями, «спецификация» сообщает и о товарах, вывозимых из Гданска в другие заграничные страны: во Францию — лес и пшеница, «а от них» — вино, соль, овощи; в Англию — изделия из дерева, холст, пряжа, а из Англии — тонкие сукна, свинец, олово, селитра, квасцы, каменный уголь. Далее характеризуется товарооборот Данцига с Данией, Голландией, Швецией, Испанией, Португалией.

Издавались распоряжения и более общего характера.

Так, 3 сентября 1723 г. вышел сенатский указ о «присылке из всех губерний и провинций о ценах хлеба в Коммерц-Коллегию ведомостей и о печатании преис-курантов о цене

¹ М. Чулков. Там же, т. II, кн. I, половина 1-я. 1785, стр. 81.

² Там же, стр. 86.

товаров в России и в главнейших городах Европейских»; «ведомости составлять помесячно..., также и иностранные цены товарам, а именно: по чему в Амстердаме, в Лондоне, в Данциге и в других, где пристойно ведать в Коммерц-Коллегии, переводя на российской язык из прейс-курантов, потому же печатать, в народное ведение продавать, дабы знали, где что дешево или дорого». ¹

Большой интерес представляет стремление развить торговые связи с далекой Испанией, куда еще в 1667 г. были отправлены стольник Петр Потемкин и дьяк Семен Румянцев.

В 1673 г. там побывал на обратном пути из Франции Андрей Виниус (старший). Но «систематические попытки установить прямую торговлю между Испанией и Россией можно проследить только со второго десятилетия XVIII в.». ²

В 1715 г. во Францию направляется Конон Зотов, установивший связи с испанскими торговцами. Один из них, бывший, как отмечает Т. Крылова, весьма своеобразным «купцом» — капитаном военного испанского флота, предложил России строить в Петербурге три военных корабля для Испании. В 1717 г. тот же Зотов ведет с испанским послом во Франции переговоры о торговле. Летом 1721 г. в Кадис из Гамбурга был спешно направлен по именному указу Беклемишев. Обширные торговые связи этого портового города произвели на него большое впечатление. Беклемишев доносил, что в нем «многим больше и весьма основательное купечество содержитца, нежели во всех протчих местах государства гишпанского, понеже, как известно, что не только ради одного торгу европейского, но и америчского; и флот которой ходит в Индию гишпанскою и опять приходит, то все сие зависит от здешнего порта». ³ Испанское золото и, особенно, серебро вызывали большой интерес у русского правительства. Беклемишев сообщал, что в Кадис прибыло из Испанской Индии 26 галиотов, привезших 12 миллионов серебра, из которых три четверти уйдет из Испании за границу, несмотря на строжайшие запреты. ⁴

Отчеты Беклемишева говорят о его широком кругозоре в области международной торговли, о знакомстве с системой феодальных торговых запретов, практиковавшейся Испанией в торговле с ее колониями, о характере испанского вывоза в

¹ П. С. З., т. VII, § 4293.

² Т. К. Крылова. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века.— Сб. «Культура Испании». М., 1940, стр. 338.

³ Там же, стр. 341.

⁴ Там же. Ссылки на дела кабинета Петра I. Отд. II, кн. 54, лл. 391—394.

свои колониальные владения, о торговых связях Гамбурга и Любека с испанцами и т. п.

В мае 1722 г. в Мадрид был назначен резидентом С. Д. Голицын. В инструкции, данной ему, «вопрос о торговле занимал едва ли не главное место».¹

Интересно отметить, что С. Д. Голицыну поручалось закупить в Испании овец для астраханских степей, «ибо за Астраханью, почитай, и климат такой же, как в Гишпании, чтобы шерсть также мягче была».²

8 ноября 1723 г. именным указом, данным Коммерц-коллегии, Петр I приказал открыть прямые торговые сношения с Испанией, и в тот же день в Кадис назначили консулами Я. М. Евреинова и А. Вешнякова под руководством И. А. Щербатова. Летом 1724 г. обеими сторонами были составлены списки товаров. «Эти списки рассматривались 25 июня 1724 г. на особом междуведомственном совещании в заседании Коллегии иностранных дел с представителями Коммерц-Коллегии».³ С точки зрения нашей темы перечень этих товаров важен, как показатель степени осведомленности русской администрации в торговых потребностях отдаленных стран и в том, что от них может получить Россия. Так, против поставленного на первом месте русского экспортного продукта — воска — сделана интереснейшая пометка: «оной не так в Испании, как в Индии гишпанские расходится»; на втором месте в русском списке стоит юфть, а против нее пометка: «расходится не токмо во все здешние государства, и в Индию не малое число», против рубрики «полотна всякие» — «оные велми нужны не так в Гишпании, как в Индии».⁴ С. Д. Голицын тогда же прислал «список товарам гишпанским, расходящимся во всю Европу». В нем приведено деление на «товары американские» и «товары гишпанские». «Еще до посылки Беринга русское правительство имело возможность составить себе более или менее отчетливое представление о товарах, какие можно получить из Америки. Это были следующие товары: 1) золото пистолями из Мексики и Перу, 2) серебро — ефимки, в Индии деланные, и слитки из Мексики и Перу» и т. д. Среди собственно испанских товаров первое место занимает шерсть, далее идут вина белые и т. п.»⁵

¹ Там же.

² Там же, стр. 344.

³ А. Покровский. Беринг и его экспедиция. — В книге «Экспедиция Беринга». — Сб. документов. Подг. к печати А. Покровский. М., 1941, стр. 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 23.

И. А. Щербатов в своем донесении из Кадиса от 3 августа 1724 г. сообщает о начале торга российскими товарами, а от 8 августа того же года — подробно перечисляет сорта товаров, на которые имеется в Кадисе спрос, указывает цены на русские изделия и т. п.¹ Русские купцы Семенниковы, долго жившие в Италии, также посылаются в Кадис и присылают оттуда сведения о требующихся на местном рынке русских товарах.² С другой стороны, из Петербурга информируют резидентов о ценах на русские изделия, существующие в других странах, и вообще инструктируют их.

Словом, интенсивно собираются материалы, содержащие данные статистического и экономико-географического порядка, необходимые для развития внешней торговли с Испанией. В результате всего этого, как уже отмечалось ранее, три русских корабля вскоре после смерти Петра I отправляются в Испанию и в августе 1725 г. прибывают в Кадис.

Как известно, европейскими государствами дело не ограничивалось. Поощрение торговли в прикаспийском районе с Персией и с прилегающими с востока к Каспию среднеазиатскими странами также влекло за собой получение необходимых сведений о них.

Наконец, давней задачей являлось (как это уже неоднократно отмечалось ранее) развитие коммерческих связей с Монголией, Китаем, Индией.

Сведения об этих странах упорно собирались в течение всего XVII в. Но петровское время внесло в это дело большую планомерность и широту организации. Посольствам и торговым агентам приказывалось доставлять подробные сведения. Сенатские указы неоднократно настаивали на присылке необходимых детальных материалов. Так, например, § 7 указа от 13 апреля 1711 г. предлагал «о персидском и армянском торге взять подлинное же ведение из Посольского приказа, с которого года и как, по каким договорам начался тот торг быть в Российском государстве».³ Тот же указ (§ 6) требовал аналогичных материалов о китайском торге, дабы он «был свободен и ко умножению в том пошлин, потому ж взять подлинное ведение из Сибирского приказа, с которого года и как тот китайский торг начался, и кто в котором году имены купчины и с какими товары и насколько ценою тех товаров было с ними...» Соответствующие материалы запрашивались, начиная с 1705 г.

Весьма показательным примером сведений, имевшихся о внешней торговле с Китаем, могут служить ведомости,

¹ Т. К. Крылова. Там же, стр. 346.

² Там же.

³ П. С. З., т. IV, § 2349.

«поданные» в Коммерц-коллегию в 1722 г. агентом Ланге, посланным в Китай, и Николаем Христизием (Николаем Крисниц), бывшем «в Китаях» вместе с посланником Измайловым. Копии с них были пересланы стольнику и сибирскому губернатору Черкасскому.¹

«Реляция» Крисница особенно интересна. Она подробно говорит о китайских запросах на те или иные заграничные товары, рекомендует, что именно и какого сорта надо посылать туда, чтобы извлечь наибольшую прибыль, касается торговли в Китае англичан и голландцев: «В бытность мою в Пекине,— пишет Крисниц,— я усмотрел, что во уживании (т. е. употреблении.— Д. Л.) здесь паче всех европейских товаров брюссельские камелоты... мне видетца, что возможно завезть здесь камелотную мануфактуру, для прибыли его императорского величества, понеже в России свободно верблюжью шерсть найти, а Галанцы и Англичане ту шерсть привозят из Смирны, да Алепу, которая туды из Персии приходит».

Таким образом, предлагая конкурировать с иностранцами, Крисниц обнаруживает, до известной степени, знание условий, создающихся наличием или отсутствием внутри отдельных стран тех или иных ресурсов.

Перечисляя очень подробно товары, поставляемые русскими кушцами «мунгалам» («татарской народ, смежны с Селенгинским и Нерчинским городами», как он поясняет в тексте, т. е. монголы), Крисниц обращает внимание на то, что привоз в продажу зеркал, корольков (кораллов) и некоторых других предметов роскоши, по его мнению, менее выгоден, потому что они «никогда не могут в цене быть сравнены с мехами».

Далее даются сведения о денежном обращении в Китае, о том, что «в мунгалах мало золота и серебра находитца..., но когда что между собой купят, и оные вместо денег платят малыми чайными листами». Наконец, «реляция» содержит подробную информацию о путях в Китай и Монголию с конкретными расчетами стоимости провоза товаров лошадьми. Сообщая о Байкале, Крисниц не ограничивается только описанием пути, но считает, что «очень бы пристойно сделать два буера для перевозу чрез оное озеро людей и товаров с одного краю на другой». Предлагая оборудовать стоянки для этих буеров в устье Ангары и у Селенги «близ Тобольского монастыря», автор донесения обращает внимание на то, что они дадут возможность монастырю использовать «великие рыбные ловли, а за неимением суд, способных к перевозу, никто не осмелитца рыбу перевозить, но в буерах возможно б». Точно

¹ П. С. И., т. II, № 82.

так же даются советы о починке дорог в определенных пунктах, могущей легко привести к большому сокращению и удешевлению пути. Все это свидетельствует о практическом знании условий путешествий в Китай.

Как видим, «реляция» значительно шире по содержанию, чем простая информация о торговле с Китаем и Монголией. К ней, кроме того, приложена подробная «роспись» товарам, покупаемым в Пекине, говорящая о характере торгового спроса этого города.

§ 6 донесения содержит специальное «известие о вещах Японских, о которых я возмог проведать», и представляет краткую информацию об этой стране, главным образом с точки зрения ее торговых связей с Китаем и Кореей. О самой Японии говорится лишь, что она «состоит во многих островах. Оные имеют малое число кораблей, и те невелики. Оные мало употребляют огненного оружия, но большую часть стрел... Не лучше знают воинское дело, как хинцы (т. е. китайцы), которые беспрестанно войну имеют... Японцы позволяют токмо 4 или 5 голландским кораблям приходить в год для торгу».

Имеются и указания на Корею: из «Пенинсулы», расположенной «от хины по левой стороне устья реки Амура, которой обитатели ездят сухим путем до Науна реки, ... оные вверх по реке Наун плавают до города, именуемого тем же имянем Наун, откуда ездят в Пекин с их товарами в 40 дней».¹

Крисниц в нескольких строках говорит о китайских кораблях, хотя многочисленных, но настолько худо сделанных, что на них нельзя плавать далее Батавии.

Приведенные выше примеры служат доказательством широкого интереса, проявляемого в петровское время к тому, что мы назвали бы теперь географией внешней торговли. В то время систематически требовали и добивались фактического получения сведений, сравнительно детально характеризующих условия торговли России с европейскими и азиатскими странами, а также торговли крупнейших пунктов Европы между собою.

Организация внутренней торговли. Тщательная регламентация торговли требовала довольно значительного для своего времени уровня практических сведений и о географии русской внутренней торговли. Это проявлялось как в многочисленных распоряжениях, преследующих цели ее регламентации, так и в материалах, поступавших в органы центрального правительства в ответ на его запросы.

В некоторых случаях мы имеем даже попытки установить, выражаясь языком современной терминологии, районы тяготения определенных групп товаров к отдельным крупным пунк-

¹ Пенинсула — полуостров, Хина — Китай, р. Наун — Нонни.

там на территории России. Правда, все это носило еще очень элементарный и поверхностный характер. Но мысль администраторов и практических деятелей конца XVII — первой четверти XVIII в. упорно стремилась к накоплению сведений такого порядка.

Так, например, 11 февраля 1721 г. из Коммерц-коллегии был послан указ¹ «о строении магазейнов и сборе провианта», предписывающий «в указанных городах на пристанях построить магазейны, а в те магазейны провиант собрать со всего государства, с дворового числа и с купечества...» Таким образом, предлагалось организовать склады — «магазейны», куда будет поступать из губерний и провинций продовольствие, необходимое для государства.

Указ сопровождался подробным «реестром», с обозначением территорий, приписанных к данному «магазейну»: «а в которых городах магазейны построить велено, и из которых губерний и провинций, в которой магазейн по чему со двора провианта платить». Например: «1) магазейн в Нижегородской губернии, да с провинций Арзамасской, да с Алаторской по 4 четверки с полчетверика, 2) магазейн в Чебоксар — с Казанской губернии, да с провинций с Свияжской, с Пензенской, Уфимской и с Астраханской губернии с городами». В таком же роде перечисляются «магазейны» ряда пристаней и крупных городов.

Для исторической географии этот указ дает богатый материал по своеобразному торговому районированию России. Для целей же нашего исследования он служит подтверждением того, что попытки подобного районирования проводились и должны были опираться на систематизацию соответственного материала, сосредоточенного в центральных учреждениях.

О мероприятиях в области торговли, предпринимаемых в связи с переносом столицы в Петербург и покровительством портам Балтийского моря, уже говорилось выше.

СТРОИТЕЛЬСТВО КАНАЛОВ, ПРОЕКТЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ЭТОЙ ОБЛАСТИ

Общий рост производительных сил петровской России и обширные военные операции чрезвычайно остро ставили проблему улучшения путей сообщения.

Бесспорно, и в этом отношении время Петра I представляет очень важный, в смысле движения вперед, момент в

¹ П. С. З., т. VI, § 3733

истории русских водных путей сообщения. В эти годы впервые наметился ряд улучшений существующих транспортных связей и искусственных сооружений, способствующих развитию русских водных путей сообщения.

Военные действия против Турции, строительство флота в Воронеже и общее оживление хозяйственной деятельности на менее освоенных до того территориях юга России властно требовали улучшения транспортных связей старого промышленного центра с более южными областями и, в частности, ставили на очередь проблему соединения Дона с Волгой. Значение Волги, как известно, также резко возросло вследствие развития торговых отношений с прилегающими к Европейской России территориями Кавказа и вследствие стремления Петра I расширить свое влияние в Персии.

Выход к Балтийскому морю, строительство Петербурга, местоположение которого было так правильно выбрано Петром I, перенесение центра тяжести внешней торговли из Архангельска на Балтику — все это толкало на широкие мероприятия по связи новой столицы с центральными и южными районами России. Невозможность наладить сколько-нибудь сносное сухопутное сообщение между Москвой и Петербургом делало проблему улучшения водных путей еще более актуальной.

Известна неудачная попытка Петра I улучшить дорогу между старой и новой столицами, по которой даже иностранные послы, пользующиеся многочисленными привилегиями при проезде, путешествовали свыше месяца. Улучшив и спрямив 132 км пути, Петр I отказался от дальнейших работ.

Подробное рассмотрение выполненных в рассматриваемый период сооружений для устройства каналов относится к области исторической географии. Для нашей же темы непосредственный интерес представляет общая характеристика мероприятий, свидетельствующих о размерах географических познаний и о географическом кругозоре, которые были обнаружены при осуществлении или при проектировании работ в этой области. Первой по времени является попытка соединения Волги с Доном.

Попытки строительства Волго-Донского канала. Как уже указывалось (см. главу о картографии), Дон был важнейшей водной артерией во время войны с Турцией. Петр много плавал по нему, производил сам и поручал другим делать съемки. Волга же представляла большой интерес как мощная водная артерия, соединяющая Каспийское море с внутренними территориями России. Сложившаяся хозяйственная обстановка и военные потребности побуждали

Петра I сделать смелую попытку соединить эти важнейшие речные пути — создать один непрерывный.

Состоящий на русской службе английский инженер Джон Перри, посланный Петром I руководить этим делом, описывает строительство в следующих чертах, интересных и для характеристики той обстановки, которая часто складывалась в петровское время при осуществлении смелых новшеств.¹ «Царь взял меня с собою, чтобы надсматривать над работой, которая велась под ведением другого лица, для открытия сообщения для военных кораблей, а также и судов с тяжестями от Каспийского моря до Черного по обозначенным двум великим рекам. Сообщение между двумя названными большими реками на пространстве около 140 русских миль возможно посредством двух меньших рек, из коих одна называется Иловля (Labla) и впадает в Дон, а другая — Камышинка (Camishinka) впадает в Волгу. На этих малых реках предполагалось устроить шлюзы, чтобы сделать эти реки судоходными, а также предполагалось на протяжении около 4 русских миль по твердой земле прокопать канал в том месте, где эти две реки протекают на наиболее близком расстоянии одна от другой. Работа эта была начата немцем полковником Бреке-лем. Мало смысла дело, которое взял на себя, он так начертил план канала, что первый устроенный шлюз сорвало. По возвращении царя из-за границы я представил ему чертеж, и его величество приказал копать на новом месте. Этой работой я занимался три года сряду в течение летних месяцев и потребовал 30 000 человек работников, но никак не мог получить и половины, а в последний год не было прислано в мое распоряжение даже 10 тысяч, не говоря о том, что всегда чувствовался недостаток в хороших мастерах и необходимом количестве материала. В это время царь потерпел поражение под Нарвой. В конце 1701 г. я получил приказание прекратить на время работы и оставить на месте для наблюдения одного из моих помощников».

Таким образом, начало Северной войны прекратило осуществление этого мероприятия. Рассказывая далее о том, что Брекель, убоявшийся последствий, бежал за границу, а князь или, как Перри его иногда называет, «лорд» Голицын, бывший астраханский губернатор, лишился места за то, что задержал работы, Перри прибавляет: «князь с этой минуты стал неприимимым противником водного сообщения и утверждал, что это дело не может быть совершено руками человека... по его»

¹ Дж. Перри. Состояние России при нынешнем царе. Перевод с англ. О. М. Дондуковой-Корсаковой. М., 1871, стр. 2 и сл. Дается несколько сжатое изложение.

убеждению, если Бог, создавая реки, дал им известное направление, то со стороны человека было бы неразумным высокомерием стараться направить их в другую сторону».¹

Как видим, на пути окончания строительства стояли не только военные затруднения России, но и косность или недобросовестность многих администраторов. Наконец, имелись, как мы знаем теперь, и крупные технические трудности, связанные с геологическими и другими природными условиями работы в этом месте. Перри, конечно, ошибался, утверждая, что при получении достаточного количества рабочих и материалов он довел бы дело в три года до благополучного конца. В социально-экономических условиях того времени эта работа была непосильной. Но в данном случае нам важно не это, а то, что при выборе места строительства было обнаружено наличие известных знаний о географии района, намечен путь канала, проявлено понимание важности военного и хозяйственного значения соединения двух этих рек. Словом, как бы мы теперь сказали, был обнаружен широкий для своего времени экономико-географический кругозор.

Ивановский канал. С Доном связано и другое интереснейшее мероприятие — попытка соединения его с Волгой через Ивановское озеро, предпринятая почти одновременно с указанной выше. Возможно, что уже в связи с войной с Турцией 1695 г., когда обнаружилась острая необходимость получения припасов из центральных областей, мог возникнуть проект создания непрерывного водного пути между Воронежем и Москвой и о соединении, таким образом, Волги и Дона. После взятия Азова значение этого пути должно было особенно усилиться. Исходной точкой всего проекта послужило Ивановское озеро, откуда берет свое начало Дон.

Интересна история изучения этого озера. В «Книге Большого Чертежа» оно фигурирует под этим же названием. Но в Западной Европе XVII в. об озере имели совершенно неверное представление и резко преувеличивали его размеры. Так, на известной карте Герритса 1614 г. Дон показан протекающим через большое озеро и два других. Надо полагать, что первое из них является сильно увеличенным фантазией изображением Ивановского. В конце XVII — начале XVIII в. его все еще считали величиною чуть ли не свыше тысячи квадратных километров. Крейс в своей известной работе «Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове...»² дает описание, раз-

¹ Там же, стр. 5.

² Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о казаках), учиненное по повелению Петра Великого вице-адмиралом Крейсом в 1699 г. и поднесенное царевичу Алексею Петровичу. — Отечественные записки, 1824, ч. 19, № 53, сентябрь.